

Сергей Бадей

Душа Ардейла

Куй, владей, рубись!

Сергей Бадей Душа Ардейла

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954732
Душа Ардейла: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1278-5*

Аннотация

Он не такой, как все. Он, подобно белой вороне, выделялся из своих односельчан. Найденыш без роду и племени, ставший родным сыном кузнецу и его жене.

Да, все было бы нормально, если бы не стали проявляться черты, свойственные народу далекому и загадочному. Если бы не проявился дар ковать оружие с душой, разговаривать с деревьями, понимать животных. А искусство боя? Разве может обычный человек так владеть клинком?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	33
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Бадей Душа Ардейла

Глава 1

Отец с лязгом сбросил инструменты в ведро, стоящее у наковальни:

– Конец работе на сегодня, сынок! Устал?

Барат с большим трудом распрямил ноющие плечи и со стоном облегчения уронил большой молот на утрамбованную землю кузницы.

– Ну и куда это ты молот бросил? – сердито заметил отец. – В кузнице должен быть идеальный порядок! Причем заметь: то, что понимают под порядком женщины, совсем не тот порядок! На кузнице каждая вещь должна находиться на своем месте!

Барат недовольно поморщился, но перечить не стал. Поднял молот и отнес его к стене, возле которой стоял деревянный верстак с выложенными на нем различного рода железками.

Отец сбросил фартук и прошагал к большой кадучке, стоявшей в углу. В ней была вода для умывания после работы. Шумно фыркая и ухая, отец с удовольствием начал смывать дневную копоть и грязь. Барат с гордостью на него смотрел. Приятно сознавать, что твой отец – крепкий, умелый и уважаемый в деревне кузнец. А мастер какой! Несколько раз его пытались сманить более богатые соседи. И плату предлагали заманчивую. Отец отказался и никуда не поехал. Сказал, что еще его дед завещал жить здесь и здесь же умереть. А деда он чтит. Да и было за что! Отец не раз рассказывал Барату историю рода кузнецов.

Дед отца, Малис, пришел в деревню из Стольного града. Был он там кузнецом в княжьем войске. Мечи ковал, кольчуги, наконечники для стрел и копий. Знатный кузнец был. Особо славились его мечи. Владел он мастерством таким, что и не всякий гном мог с ним сравниться. Рассказывают, что искусству сему обучил его беглый гном.

Да случилась с Малисом история печальная. Приглянулся статный и могучий красавец-кузнец дочери боярина ближнего Патраса. Стала она хаживать в кузницу. Да зачастила туда. Знамо, дело молодое, да и девка была пригожая. Что там у них с Малисом произошло, дед никогда и никому не рассказывал. Только Патрас, узнав о том, пошел с челобитной к князю. Негоже, мол, чтобы простой кузнец да с его дочерью! Навет Патрас на Малиса возвел нешуточный. Чуть ли не в измене его обвинил. Жаль князю было терять такого кузнеца, да понимал, что не жить Малису, если оставить его в граде. Вызвал он Малиса к себе и повелел уйти тому глухой ночью от Стольного града подальше. Осеть где-нибудь в глуши и более в граде не появляться.

Вот так и появился в Опаденихе кузнец Малис. Построил себе дом, а на другом берегу и кузницу сладил. Вот тогда-то и оценили жители деревни, какое им богатство привалило. Владел кузнец искусством необычайным. За что ни брался, все ладилось. Железные изделия, выходящие из-под его молота, славились прочностью и долговечностью. Ножи, сработанные кузнецом, долго не затуплялись, и сломать их было нелегко.

И передал он искусство мудреное сыну своему Кересту. А уж Керест обучил секретам Турота, отца Барата. Кузнец Турот пользовался большим авторитетом среди деревенских жителей. Славился справедливостью и умом. Ходили односельчане к нему за советом. Сам староста уважительно кланялся ему при встрече. Была у мастера и слабость небольшая. В свободные минуты ковал клинки для мечей. Непростые те клинки были. Называл техникуковки «слоеным пирогом». Вот ей-то и обучал теперь сына. Так и пора пришла! Вырос сынок-то.

Только не был похож Барат на отца. Совсем не был. В семнадцать весен вымахал на голову выше. Выделялся среди остальных и беловолосой головой. Нет, не альбиносом он был, да простят мне столь ученое слово. Черные брови да синие глаза на лице смотрели на окружающий мир пытливо. Среди остальных парней найти его не составляло труда. Все невысокие, черноволосые. Один Барат среди них белобрыс и высок. Задирать его опасались, несмотря на непохожесть. Особенно после того, как Пека, деревенский хулиган и задира, после неудачной шутки остался без двух передних зубов. От быстрого и сильного удара кулаком не ожидавший этого Пека не стал искать калитки в заборе, а прошел насквозь, причем спиной вперед.

Причина такой непохожести проста. Барат был неродным сыном Турота. Единый не дал детей Туроту и жене его Сайне. Так бы и остались без наследника, да случилась одна история.

Как раз семнадцать весен назад год выдался урожайным. В осеннем лесу – благодать! Что грибов, что ягод лесных уродило! Ну как же – рядом с лесом жить и не пользоваться его? Вот и ходили деревенские бабы и девки в лес за дарами лесными.

Толпой они ходили, потому как лес велик был, по хребту Срединных гор в аккурат от северных равнин до жарких краев доходил. И водились в том лесу звери разные. Какие для человека не страшные, а какие очень даже опасные. Как толпой идешь, то, может, и не тронет, а как в одиночку... Бывало, уйдет один за ограду. Рык, крик – и нету человека. Вот так, толпой, и опасности меньше. И пару мужиков с собой брали, чтобы, в случае чего, мужики смогли защитить.

В тот день недалеко они зашли. Как раз до старого тракта, что из-за гор шел по перевалу.

Давно по этому тракту никто не ходил. Неудобен он был, да и опасен в некоторых местах. Южнее еще один перевал был, не в пример удобнее. Там и шли караванные пути.

На тракт вышли и остолбенели. Застали следы боя. Бой был жестоким и беспощадным. Лежали убитые со страшными ранами. Видно было, что тех, кто ранен был, добивали. Одеты были богато, что женщины, что мужчины. Даже дети были там. И все они, как один, были с белыми волосами. Мертвые синие глаза убитых безжизненно смотрели в небо, как будто видели там души, беспощадно вырванные из этих тел.

Один из сопровождавших баб мужиков опрометью кинулся в деревню. Знамо, подмогу позвать. Позвать и старосту с писарем, дабы бумагу сложить про случившееся. Второй, приготовив на всякий случай оружие, метнулся по окрестностям, дабы изучить местность и следы, если найдутся таковые.

Ох, не зря он это сделал, не зря! Нашел в шагах пятидесяти еще одного убиенного. Три толстых черных стрелы торчали у него из спины. Однако видно было, что, смертельно раненный, полз он от места побоища подальше и тащил корзину, богато изукрашенную, пока смерть не остановила его. А в корзине мужик нашел дитя малое. Живым дитя то было. На пеленках, в которые ребенок был закутан, одно слово нашли, красными нитками вышитое – Барат.

Не знали селяне, что с этим дитем делать. Но не бросать же его на растерзание зверям лесным! Вот и решили Турот и Сайна принять его за сына, раз Единый своих детей не дает. Так и вырос Барат, называя тятей и мамой чужих по крови, но таких родных по сути людей.

– Пошли, сынок! Мать еды наготовила. А вечером снова за тот клинок возьмемся. Вон купец Шарук за меч, что мы на прошлой седмице выковали, тридцать золотых заплатил, а этот клинок еще знатнее будет. А деньги, парень, они никогда лишними не бывают.

Турот ухватил рубаху, не надевая ее, закинул на плечо и вышел из кузницы. Барат вытерся рушником и, довольно пофыркивая, зашагал за отцом. Усталость, конечно, была, как без нее. Но усталость приятная. Размышляя о том, что не продешевить бы, Барат вспомнил купца.

Купец Шарук приезжал в деревню раз в седмицу. Привозил припасы хозяйственные, ткани градские, соль – то, чего в Опаденихе не достать было.

Привел он как-то коня своего к кузнецу. Подкова на одном гвозде держалась. Глаз купеческий остер. Увидел клинок на верстаке и враз оценил качество. Стал Шарук торговать меч у Турота. Поначалу цену небольшую давал. Да не на того напал! Турот простаком не был, торговаться умел и любил. Не зря сам в град несколько раз ездил, а там не зевай! Долго они торговались, до хрипоты, до красноты лиц. Вертели клинок то так, то этак. Ругались. Несколько раз, плюнув на ладони, собирались скрепить сделку, снова передумывали. Странно они вместе смотрелись. Богато одетый тощий купец и мощный, голый до пояса, в разводах копоти Турот. Наконец сторговали клинок за сорок золотых. Деньги немалые. Да только был уверен Турот, что в граде купец намного дороже этот клинок продаст. Доброе оружие и ценится дорого.

Барат перенял у отца страсть к оружию. Вернее, страсть к клинкам добрым. Вот так, вдвоем, они и ковали их. Отец мастером, а Барат подручным. Отец учителем был, а сын – учеником. Прибыток от того был знатным. Подворье кузнеца было одним из самых богатых в Опаденихе. Разве что у старосты, крепкого хозяйственного мужика, да у писаря побогаче были. Но то другое дело, как они это богатство наживали.

Сайна накрыла стол под навесом. Уж больно в доме жарко было. Крынка холодного ядреного кваса, запотевшая боками, стояла в центре стола. Хлебина была нарезана толстыми ломтями. В мисках глиняных, обожженных, разрисованных замысловатыми узорами, парила наваристая, вкусно пахнущая похлебка. Зелень, само собой, и соль в солонке. На отдельном блюде завлекательно блестела поджаренными боками курица.

Отец с сыном степенно уселись за стол. Работники! Сайна залюбовалась ими. Какие у нее красивые мужчины! Оба крепкие, широкоплечие. Роднее их у Сайны не было. Она уже давно не обращала внимания на светлые волосы сына. По Барату вон уже девки сохнут, а ведь ему едва семнадцать оборотов сравнялось. И при деле парень. Искусство кузнечества ему хорошо дается. Отец хвалит. Это очень хорошо! Вон деревенские парни, силу девать некуда, в разные истории влипают по дурости. А ее сын не таков! Добрый муж для какой-нибудь девушки растет. Глядишь, и ее внуками порадуют.

Пока мечтала, мужчины поели.

– Пошли! Сегодня еще пару раз сложим, а потом и за ковку можно приняться. – Отец, вытирая рот чистой тряпицей, поднялся из-за стола. – Почти готов металл. Я тебе покажу, как надо кромку обрабатывать. Это дело, сынок, очень тонкое.

Барат торопливо поднялся и, дожевывая на ходу, двинулся вслед за отцом. Вот это хорошо! Уследить за точными и ловкими руками отца во время работы сложно. А тут он сам будет показывать. Это другое дело! Когда отец объясняет, все становится ясным и понятным. Правда, нырять в жаркий день в еще более жаркую кузницу не очень-то хотелось, но дело того стоило. К тому же он сам избрал для себя это ремесло. Хотелось быть таким же мастером, как и Турот. А может, и превзойти его. Хотя такое, по мнению Барата, было невозможно.

– Учти! – пояснял Турот на ходу. – «Слоеный пирог» – искусство очень тонкое и древнее. Тут надобно не только много раз металл складывать, но и за нагревом следить. И перекаливать не вздумай. Загубишь металл. Он должен быть мягким и, подобно шелковой ткани,

накладываясь слой на слой. Это он потом приобретет гибкость и прочность. Он становится таким прочным, что выгни его дугой – не сломается. О качествековки мастеру расскажут разводы, что ты видел на лезвии мечей. Они же и подскажут, сколько слоев кузнец наложил. Чем больше слоев, тем качественнее меч. Но тем более сложно было этот клинок и сделать. Вот погоди, разберусь с работой-то, повезу тебя в Стольный град. Там ты увидишь работу других и сравнить ее с нашей работой сможешь. Да и цену там дают настоящую за настоящую вещь. Погуляем на ярмарке, сынок, купим мамке обновы, да и себя не обидим! Вон тебе новые сапоги надо бы прикупить. На зиму нечего надеть. А еще хочу взглянуть, что это за новинка такая – арбалет. Говорят, что далече стреляет и целиться с него вроде бы удобнее.

– Это как? – не понял Барат. – Что тут можно придумать? Лук он и есть лук. Чем этот арбалет от лука отличается?

– Вот это я и хочу посмотреть, – заявил Турот. – Говорят, что там тетиву не надо сдерживать. Мол, какой-то крючок нажал, оно само и стреляет. Бред, конечно! Нет, сам посмотрю и решу. Быть может, там что и по металлу можно будет сделать.

И снова в тот день отец с сыном работали допоздна. Размеренно бухал молот Барата, тонко постукивал молоточком Турот, указывая, куда бить и с какой силой.

Светило ушло за горизонт, оставляя за собой быстро темнеющее небо. Проклевывались яркие точки звезд, набирающие яркость по мере ухода солнца. Ночь опускалась на село.

А молот все бил и бил. Ибо работали отец с сыном над страстью, увлечением своим. И тут время бессильно.

Глава 2

Размеренно качая меха, Барат смотрел, как в горне набирало силу свечение бруска металла, предназначенного для клинка. Отца позвали к старосте, что-то там такое случилось, для чего необходимо было его присутствие. Свечение набирало силу. Цвет прошел все изменения из серого в багровый, потом в алый и перелился в оранжевое яростное свечение.

Присматриваясь к заготовке, Барату вдруг показалось, что он увидел контур клинка изумительной красоты. Всмотрелся... Контур исчез. Досадливо встряхнув головой, отвел взгляд, но... Краем глаза снова уловил силуэт. Резко вернул взгляд и замер. Вокруг бруска металла тонким контуром просматривался изящный и хищный клинок. Он был едва виден, но он был!

Для верности Барат несколько раз сморгнул, но контур не исчез. Где-то в глубине сознания зародилась тихая музыка. Она была очень ритмичная. Она звала, чего-то требовала, о чем-то молила. Музыка набирала силу. И с ней вместе набирал силу, становился все более отчетливым контур меча.

В голове гремели мощные аккорды этой изумительной и совершенно незнакомой музыки. Непонятно откуда в руках появились щипцы и молот. Совершенно не обращая внимания на окружающий мир, Барат подхватил брусок и положил его на наковальню. Аккорды подсказывали ритм ударов. Звенящий гром молота органично влился в звучащую музыку. Дальнейшее Барат помнил смутно. Сознание ускользнуло от него. Его тело и голову наполнил мотив, который и руководил происходящим. Он все бил и бил молотом, подчиняясь ритму, который звучал в его теле. Ритм просил, молил, требовал, указывал и подбадривал. Откуда-то Барат знал, что каждый удар получается точным и выверенным, он бил как надо и куда надо.

...И неожиданно все закончилось. Музыка стихла и ушла. Барат застыл, отходя от только что испытанного неистовства и тупо рассматривая готовый клинок, лежащий на наковальне.

В дверях кузницы стоял отец. Неизвестно, сколько он там уже был. На лице отображалась крайняя степень изумления. Он широко открытыми глазами смотрел то на Барата, то на клинок. Было понятно, что в его голове роятся сотни вопросов, которые сводятся к одному, самому главному – *как?*

«И что я ему скажу? – устало подумал Барат. – Я же сам ничего не понимаю!»

Но, вопреки ожиданиям, отец задавать вопросы не спешил. Турот молча подошел к наковальне и принялся рассматривать клинок. Вдруг он вздрогнул. Брови его изумленно поднялись еще выше, хотя казалось, что дальше было некуда. Барат тоже опустил взгляд на меч. С мечом творилось что-то странное, невозможное! Барат почувствовал, что его волосы встают дыбом, тело мгновенно охватило жаром, а потом выступил холодный пот. Прямо на глазах рукоять затягивалась матово отсвечивающей, внезапно появившейся кожей. Нарастала гарда, вытягиваясь в трилистник на концах. Отец ухватился за меч и поднял его вверх, рассматривая его. Внезапно случилось странное. Кузнец напрягся, стараясь удержать клинок. Не получилось! Меч вырвался и, сверкнув серебряной змеей в воздухе, упал на пол. Турот, побледнев, зажимая глубокий порез на руке, с восторженным ужасом смотрел на меч. Губы Турота шевелились, он что-то неслышно шептал. Барат метнулся в угол за чистой водой и материей промыть и перевязать рану. Турот как будто даже не замечал крови, текущей из пореза.

– Сараташ! – наконец хрипло выдавил из себя Турот. – Дед мне рассказывал, но я не верил. Думал, что это сказки.

Барат, затягивая последний узел на повязке, обеспокоенно взглянул на отца. Он чувствовал себя виноватым в том, что произошло.

– Наверное, он будет стоить дороже сорока золотых, – желая подбодрить отца, сказал Барат.

– Ты не понял, – покачал головой Турот. – Это Сараташ. Меч с душой! Его не продать и не подарить. Возьми его!

Барат нерешительно посмотрел на меч. Как-то не очень хотелось брать в руки этот клинок. А вдруг и его так же режет.

– Да не бойся! Ты же его выковал, – нетерпеливо сказал Турот. – Он – твоё творение. Как он может сделать тебе что-то плохое?

Барат наклонился и тронул рукоять пальцем. Ничего не произошло. Парень осторожно поднял клинок. Тот вел себя смирно. Барат, затаив дыхание, рассматривал творение своих рук. Длинной в два локтя, обоюдоострый клинок постепенно сужался по всей длине, превращаясь в острейшее жало. Внезапно середина лезвия почернела. Острые края, напротив, стали белыми с голубоватым отливом. У Барата сложилось стойкое убеждение, будто меч мурлыкнул от удовольствия, что наконец-то его подняла с пола хозяйская рука. Все существо Барата охватило теплое чувство любви и преданности.

Турот бросился к верстаку и, схватив какой-то брусок, положил его на наковальню.

– А теперь рубани по нему! Да сил не желей! – азартно бросил он Барату.

Барат возмущенно уставился на отца:

– Да я же на нем зазубрину сделаю!

– Если это Сараташ, то не сделаешь, – отмахнулся Турот. – Давай!

Барат с сомнением посмотрел на брусок, а потом на меч в руках. Очень не хотелось портить такой красивый клинок, к тому же первый, выкованный им самим. Турот в нетерпении смотрел на сына.

«А, ладно! Попробую, но не в полную силу», – решил Барат и, размахнувшись, опустил меч на брусок. Он ожидал отдачи от удара в руки. Даже зажмурился, но ничего, кроме легкого сопротивления движению меча, не почувствовал. Он мог бы продолжить движение, но именно эта легкость его удивила и остановила. Барат осторожно открыл глаза и посмотрел на свои руки, потом перевел взгляд на отца. Отец стоял с выпученными от удивления глазами. Видно было, что такого не ожидал даже он. Барат перевел взгляд на меч. Увиденное поразило его. Меч рассек брусок и до половины вошел в наковальню, разрезав ее так же легко, как и брусок. Он мог бы и развалить наковальню надвое, если бы Барат продолжил движение.

Отец шумно выдохнул воздух из легких:

– Ну ты даешь! Дед и это рассказывал мне. Я все никак не мог поверить, что такое возможно. Верно, пока не увидишь своими глазами, в это поверить сложно.

Барат осторожно потянул меч на себя. Вопреки его ожиданиям, скрежета не раздалось. Меч вышел легко и мягко.

– Отец, я так и не понял, что происходит? – Барат растерянно смотрел на Турота. – Расскажи мне, что это?

Турот, взмахом руки указав Барату на табурет, сам уместился на краешке верстака.

– Подожди! – попросил Барат. – А как же твоя рана?

– Уже не болит, – улыбнулся отец. – До твоей свадьбы обязательно заживет.

Турот ненадолго задумался, а затем начал свое повествование:

– Мне рассказал это мой дед, Малис. Он много чего знал и умел. Никто не знал, откуда, а сам он не рассказывал. Искусство наше кузнечное он передал твоему деду, моему отцу. Ну, и через меня тебе оно пришло. Так вот, дед рассказывал мне, что там, далеко на севере, за горами, – Турот махнул рукой в сторону гор, – живет племя, называющее себя ардейлами.

Живут ардейлы в лесах. Замкнуто живут. Не любят они чужих. В лесах у них целые города имеются. Строят их так, что лес не страдает. Они любят лес, ну а лес, как водится, любит их.

Турот взял плоску с водой и в два глотка опустошил ее.

– Дед рассказывал, что волосы у этих людей белые как снег. – Турот многозначительно посмотрел на белокурую шевелюру Барата. – Живут они богато. Товары их высоко ценятся в других землях за качество и надежность. А еще более высоко ценятся их воины. И в сече, и в лучном бою ардейлы превосходны, а в лесу так и непобедимы. Но не любят они выходить из своих лесов. Единицы за все время становились под знамена других властителей. Таких можно было пересчитать по пальцам, и двух рук было бы более чем достаточно. И каждый из них стал легендарным воином! Даже пословица была такая: «Лучше встретиться с сотней воинов диких племен Таш, чем с одним ардейлом, да еще в лесу!»

– Таш – это те, что за горами? – спросил Барат.

Отец кивнул, и лицо его на мгновение помрачнело. Он немного помолчал и продолжал:

– Но не этим славился народ Ардейла. Изредка среди них рождались чудо-кузнецы. Могли они делать замечательные мечи. Мечи с душой. Называлось это искусство Сараташ. Меч, созданный ими, служил только своему хозяину, подчинялся только ему, и никто не мог взять его в руки, не лишившись руки, а то и головы за самоуверенность. Если умирал хозяин, то умирал и меч, рассыпаясь в прах. Ценились эти кузнецы, ох и ценились же! Но мог быть только один кузнец в стране ардейлов. Если рождался второй, его убивали тут же. Да редко такое бывало. Обычно второй кузнец рождался, когда приходило время старому кузнецу уходить.

– Почему? – спросил Барат, ошеломленный рассказом отца.

Турот пожал плечами:

– Не знаю. Рассказываю то, что слышал.

– А как они узнавали, что ребенок может стать таким кузнецом?

– Барат, ты что, не слышал, что я тебе сказал? Я рассказываю то, что слышал от деда, не более того.

Отец посмотрел на меч, лежащий на коленях Барата. Барат опустил голову, вновь любясь совершенством клинка. Погладил его и попробовал остроту режущей кромки.

– Отец, но он же совершенно тупой! – Барат снова изумленно смотрел на меч. – Я попробовал пальцем, но даже не порезался! Как он смог перерубить брусок и наковальню?

Турот усмехнулся:

– Я вижу, ты так и не понял до конца, что такое меч с душой. Он не может поранить своего хозяина, даже легко. Он вообще не может нанести вред хозяину. Ты можешь рубить им любую часть своего тела, и ничего тебе не будет. С таким же успехом ты можешь рубить себя подушкой. А вот если кто-то другой попробует притронуться к твоему мечу... Я еще очень легко отделался!

Турот осторожно побаюкал перевязанную руку.

– Но вот что я скажу: тебе будет лучше не выставлять его напоказ, – продолжал Турот, понизив голос. – Это ни к чему хорошему не приведет. Не любит наш народ того, что ему не понятно. Если не понятно, то опасно. Спрячь его пока. Я пойду к Ребану-воину. Поговорю с ним. Может быть, он возьмется обучить тебя владению мечом. На него можно положиться, он никому ничего лишнего не скажет. То, что ты из народа Ардейла, у меня не вызывает уже никаких сомнений. Но мне плевать на это! Ты – мой сын. И я буду защищать тебя, пока жив.

Свой новоприобретенный меч, бережно завернутый в старую рубаху, Барат аккуратно засунул за верстак. Он слабо представлял себе, что с ним надо делать. Конечно, меч хорош, но зачем он деревенскому кузнецу? Это боевое оружие, и оно пристало скорее воину, и воину

нерядовому. Барат представил себя в суконных штанах и рубахе навыпуск, босого и с этим мечом в руках. Картина получилась не очень героическая.

А отец стал еще внимательней и требовательней присматриваться к работе сына. Заставлял по несколько раз ее переделывать, пока не получалось то, что, по мнению отца, было близким к идеалу. На ворчание Барата он невозмутимо отвечал, что кузнец, который смог выковать такой меч, не может себе позволить халтурную работу. Да Барат и сам понимал, что надо стремиться стать лучшим. Ну если не лучшим, то одним из лучших, это уж точно!

Но вот свободного времени оставалось все меньше и меньше. Когда Барат изредка проходил по селу, друзья звали вечерком выйти прогуляться. Девушки озорно цепляли его, если он проходил мимо. Сайна вечерами ворчала, что старый дурень совсем парня загоняет. Когда парню гулять, как не сейчас? Разве это дело, пропадать с утра до вечера в кузне? Парню уже восемнадцать скоро. Самое время гулять да женку себе присматривать. Турот молчал, но каждый день загружал Барата работой так, что тому головы поднять было некогда.

Вот тут-то к отцу и зашел Ребан-воин. Прихрамывая на покалеченную в боях ногу, он молча прошел в дом. Там они втроем (Ребан, Турот и крынка крепчайшей медовухи) провели несколько часов кряду. О чем они говорили, Барат, конечно, догадывался, но о чем договорились, не знал.

Ребан-воин вышел из дома, его лицо было слегка размякшим и, как показалось Барату, подобревшим. Внимательно прищурился, он рассматривал стоявшего у колодца Барата.

– А что, похож! – сказал Ребан вышедшему вслед за ним Туроту. – Я один раз ихнего посла видал, правда, тот пожиже будет, но определенно похож. Ладно, Турот, подумаю я. Годы мои уже не те, но попробовать охота. Если он хоть вполовину способен на то, что о них рассказывают, то...

Отец, тоже уже не крепко стоящий на ногах, кивнул:

– А попробуй, Ребан, попробуй! Это Сараташ! Точно говорю тебе.

Утром следующего дня Ребан уже стоял у кузни, когда туда пришли Барат с отцом. Вот вроде бы немолод уже был Ребан, а чувствовалась в нем сила немалая, что многим и более молодым была непостижима.

Ночью Барат вспоминал все, что слышал об этом человеке.

Ребан двадцать лет прослужил в дружине князя. Состоял в пешеходных мечниках. Именно ими и славилась дружина князя. Две сотни сорвиголов, не боящихся смерти, мастера мечного боя, без страха вставали на пути противника, что конного, что пешего. И могли они остановить врага, отбросить назад. Ибо каждый из них владел клинками как продолжением рук. За заслуги ратные повелел князь именовать мечников гвардейцами. Что слово сие значит, не объяснял, сказал только, что в землях просвещенных так именуют лучшие войска. Великой честью было стать одним из гвардейских мечников. Ребан эту честь заслужил. Даже более того! До сержантских нашивок дослужился. А сержант в дружине – это звание немалое. Всегда с рядовыми, всегда среди них. Жизнью одной он с ними живет. Из одной миски похлебку глотает. Кому, как не ему, командовать десятком вверенных ему бойцов! Знает и сильные, и слабые их стороны. Кого спереди поставить отбивать удары копий, кого чуть оттянуть для мечного боя с такими же бойцами, а кого и тыл прикрывать, дабы своих сзади враг коварный не порешил. А сержант должен уметь все! И спереди встать, и мечами помахать с врагом, и прикрыть ребят, аки отец родной. Везде должен успеть!

Все бы ничего, да в одном из боев в Пограничье сцепились два десятка мечников с сотней темных из племен Таш. Стрелы, что в гвардейцев летели, Ребан и еще три бойца мечами поотбивали. Мастерами были, однако и не такое могли. Потом Таш хотели их конной ата-

кой опрокинуть. Куда там! Один боец удар сабли отбивает, второй тем временем коням ноги сечет. Захлебнулась и эта атака. А там из леса ударили основные силы дружины князевой. Всадники Ташевы, не в пример всадникам Стольным, легче броней, да и быстрее. Однако коль всадник из дружины набрал ход на коне своем мощном, то остановить его мудрено. То, что осталось от сотни Ташевой к окончанию боя, смела конница мимоходом, как муху на столе прихлопнула. А вот Ребану в той сече не повезло. Конь степняка, падая, ударом копыта раздробил ногу Ребану. Устал сержант, не среагировал вовремя. Хорошо, побратимы прикрыли, не дали супостату порубить командира.

Раздробленная нога, несмотря на усилия целителей, срослась плохо. Вот так и вышел в отставку Ребан-воин. Повелел князь за заслуги его выделить ему землю, какую Ребан пожелает, и за счет казны княжеской поставить ему дом. А податей с Ребана не брать до конца жизни его, а даже, как бы и наоборот, платить ему пенсию как ветерану заслуженному. Вернулся Ребан туда, откуда родом был, откуда молодым парнем в войско княжеское подался. Дом ему поставили и земельным наделом не обидели. Однако отказался Ребан от надела. Семьи не завел, а одному ему и пенсии на жизнь хватало. Вот так и ходил он по деревне, смущая взглядом пристальным и тяжелым жителей. Слыл нелюдимом; односельчане его уважали, хотя и побаивались.

– Ну показывай свою железку! – властно приказал Ребан Барату, поздоровавшись с Туротом.

Барата покорило от пренебрежения, проскользнувшего в голосе Ребана, но он молча полез за верстак, доставая меч, завернутый в рубаху.

Когда Ребан увидел «железку», его глаза на мгновение удивленно расширились. Он покачал головой и внимательно посмотрел на Барата. В его взгляде проскользнуло уважение.

– Сам выковал, говоришь? Хорош! Ничего не скажу, хорош! Ну-ка, дай его мне!

Ребан протянул руку к мечу. Барат буквально услышал, как зарычал меч в руках, и отрицательно замотал головой.

– Что такое? – не понял Ребан. – Жалко, что ли?

– Он рычит! – хрипло сказал Барат и прокашлялся.

– Кто рычит? – не понял Ребан. – Парень, ты часом не перегрелся? Или еще не проснулся?

– Ребан, – вмешался Турот, – ты хоть помнишь, о чем мы говорили? Или я тебе рубца не показывал? Хочешь без руки остаться? Если парень говорит, что меч рычит, значит, он рычит. Просто ты не слышишь, ибо тебе не дано! А когда услышишь, то поздно будет.

– Но я ж должен его измерить! Как я в дереве смогу замену сделать?

– Зачем в дереве? – удивился Барат. – Какую замену? А как же мой меч?

– А затем, чтобы мы, пока я тебя учить буду, живы остались. Да к тому же и целы. Поначалу надобно на деревянных подобиях обучаться. Как я тебе приемы боевые показывать буду? Да если я настоящим мечом буду работать, то мало что от тебя останется! А если ты за свой ухватишься, то сам себя порешить можешь!

– Ну не тот это случай, – покачал головой Турот. – Сараташ хозяину плохого не сделает. Но в том, что надо замену сделать, ты прав. Вот что я посоветую: пусть Барат держит свой меч двумя руками, а ты со своей бечевкой колдовать будешь.

– Сам ты бечевка! – пробурчал Ребан. – Это измерительный прибор!

– Измерительный... чего? – прищурился на него Турот.

– Прибор, деревня! – хмыкнул Ребан. – Научное слово! В граде слыхивал. Мудрый человек его говаривал, как чего непонятно было.

– Научное? Ну-ну, – иронично улыбнулся Турот.

Пока Барат держал клинок, прижав его к наковальне обеими руками, Ребан старательно возился вокруг него с бечевкой, завязывал узелки на кончиках и в месте, где была гарда, что-то бормотал, хмыкал и покачивал головой.

– Через седмицу вечером приходи! – буркнул Ребан, выходя из кузницы. – Буду ждать. Посмотрим, что из тебя получится.

Глава 3

Эх, хорошо, когда речка Быстрица протекает у самой кузницы! Барат разбежался, прыгнул и с криком «Ух!» врезался в холодную воду реки. Вынырнул, мотая головой и разбрызгивая мокрыми волосами капли воды. Быстрое течение понесло его вдоль берега. Яростно работая руками и молотя ногами, Барат начал выгребать против течения к берегу. Не хватало еще оказаться над омутом, в котором, если верить деревенским бабкам, жил сам Сом Сомыч. Сом Сомыч рисовался старухами как чудище здоровенное, с пастью жабы и с усами приказчика купца Тратуша. И засасывает это чудище свою жертву целиком. Только водоворот на том месте остается.

Не то чтобы Барат верил в эти сказки, но все же не рисковал плавать над омутом. Очень может быть, что в сказках бабок и есть доля правды. Все же видел один раз Барат, как плыл по тому омуту селезень. Плыл, а потом пропал. Как не бывало его!

Плаванью Барата научил отец. Деревенские плавать не умели и заходить далеко в воду побаивались. На барахтанье в воде Барата смотрели искоса, считая это никому не нужным чудачеством. Не знают они, как прекрасно после трудового дня в раскаленной кузнице нырнуть в прохладные воды реки! Смыть с себя пот, грязь и усталость.

Выбравшись на берег, Барат постоял, подставляя теплому солнцу то один бок, то другой, давая телу возможность обсохнуть. Ах да! Сегодня надо идти к Ребану. Седмица прошла, и Ребан передал через отца наказ прийти. Интересно, чему он сможет научить? Нет, чему, оно ясно! Мечом махать. А вот какво это?

Ребан еще раз обошел вокруг Барата, придирчиво рассматривая его со всех сторон.

– Руки длинные – это хорошо! – бормотал он. – Мах должен быть широким. Мускулы плеч и предплечий, да и сами руки крепки. Это тоже хорошо. Но закрепованы они. А вот это – плохо. Придется разрабатывать связки. Впрочем, для твердых ударов подходят. Гибкости мало... Реакцию надо будет развивать. Хм, взгляд, как у телка, мягкий. Взгляд воина должен быть быстр и жесток. А так материал, хоть и сыроват, но неплох, неплох... – Ты хоть понимаешь, для чего сюда пришел? – внезапно строго спросил Ребан у опешившего от неожиданности Барата.

– Учиться, – выдавил из себя Барат.

– Чему учиться? – напирал Ребан.

– Ну...

– Убивать учиться! Защищать свою жизнь учиться! Выживать учиться! Понял?

Барат подавленно кивнул.

– Ничего, еще поймешь! – покровительственно похлопал его по плечу Ребан и хитро прищурился: – А когда поймешь, то проклянешь тот день и час, когда согласился на это. Не всяк выдержит то, что тебя ожидает. Может, еще передумаешь, а? Вон калитка открыта. Поворачивайся и иди. Держать не буду!

Желание повернуться и уйти было сильным, но Барат представил себе лицо отца и что он скажет, когда узнает о малодушии Барата. Желание уйти сразу исчезло. Барат сжал зубы и с решительным выражением на лице смело взглянул в насмешливые карие глаза Ребана.

– Я пришел учиться, мастер! Прошу тебя научить меня владению мечом.

Ребан некоторое время молча вглядывался в синие глаза Барата, словно что-то читая в их глубине, в самой душе парня, потом медленно кивнул:

– Ну что же, ты выбрал. Стой здесь! Я сейчас. – Ребан повернулся и вошел в свой дом.

Вот уж не ожидал Барат, что учеба начнется таким образом. В его представлении Ребан-воин сразу должен был показать ему, как рубить, колоть и защищаться. Но то, с чем столкнулся Барат в начале обучения, мало напоминало картины, которые он себе рисовал в воображении. Стоять несколько часов неподвижно с деревянным мечом, поднятым на уровень груди, со свинцовыми накладками для тяжести. Зачем? А зачем эти круговые вращения кистями рук? Зачем эти утомительные занятия, когда надо изгибаться под немыслимыми углами? Особый ужас вызывали упражнения, когда Барату нужно было сесть на шпагат. Ребан называл это мучение «растяжкой» и со всем пылом садиста заставлял распластываться Барата.

Каждый день, едва солнце начинало заглядывать в дверь кузницы, отец прекращал работу и выразительно кивал Барату на дверь – иди, мол! И Барат шел, передвигая натруженные ноги, зная, что сейчас ему предстоит еще более утомительное занятие. Свободного времени совсем не осталось. На молодежные посиделки и танцы под веселую музыку просто не было сил. Стоя с мечом в вытянутой руке, Барат с тоской слушал веселый девичий смех и возгласы деревенских парней. Но какое-то ожесточение уже овладело им. Ему нравилось испытывать свое тело на прочность, напрягать непривычные к таким упражнениям мускулы. Барат не считал себя слабым. Какая слабость, если каждый день приходится махать тяжелым молотом? Бить точно туда, куда постукивал молоточком отец, рассчитывая силу удара и угол наклона? А Ребан поколебал его уверенность в своих силах. Ноги затекали от многочасового стояния в одной позиции, плечи ломило, рука с мечом неумолимо тянула вниз. Опустить, отдохнуть! Но Ребан, который, казалось, занимается своими делами, совсем не обращая внимания на мучения Барата, был на самом деле всегда готов заметить малейшую неточность в выполнении упражнения. В самый неожиданный момент, когда Ребан вроде бы смотрел в другую сторону, раздавалось его ворчливое замечание:

– Ну куда твою руку повело? Я тебе что, это показывал? Кончик меча выше! Да не кривись ты! Это еще цветочки. А ну живенько встал так, как я показывал! И не вздумай сачковать! Учти, я все вижу.

Сайна только головой качала да втихомолку ругала Турота и Ребана за издевательства над мальчиком. Попыталась один раз укорить Турота, но нарвалась на такую гневную отповедь, что больше не рисковала.

А вскоре Барат заметил, что молот как будто стал легче и послушнее. Не требовалось больше предельного напряжения для выверенного удара. Все получалось легче и увереннее. Походка Барата тоже стала иной. Если раньше он передвигался, тяжело шагая, как и положено кузнецу после трудового дня, то теперь его шаг стал легким и плавным. Движения стали более экономными и отточенными. Для Барата это было не так очевидно, но Турот это заметил и с еще большим уважением стал относиться к урокам Ребана.

А Ребан тем временем постепенно стал менять характер тренировок. Он уже больше заставлял Барата крутить длинный металлический стержень, перехватывая ладонью его посередине. Причем заставлял делать это попеременно то правой, то левой рукой. Наблюдая за Баратом, Ребан одобрительно кивал.

– Ты одинаково свободно работаешь и правой и левой рукой! Это очень хорошо! – заметил Ребан Барату во время короткой передышки. – Значит, во время боя ты будешь более вооружен, чем твои противники.

– Чем вооружен? – удивился Барат. – Меч-то один!

– А руки – две, – хмыкнул Ребан. – Повредят одну, перекинешь меч в другую – значит, больше шансов выжить.

Глава 4

Лето стремительно катилось к завершению. Осень начала вступать в свои права. Дни становились все короче. На траве по утрам нет-нет да появлялись серебристые полоски утренних заморозков. Заготовка припасов на зиму занимала умы деревенского люда. Зима – это очень серьезное испытание! Овощи и мясо в погреба, корм скоту, дрова заготовить. А одежда? Чтобы было в чем ходить в морозы лютые, готовую одежду можно заказать Шаруку – купцу, что из города приезжает, так ведь деньги нужны. А где их взять? Значит, надо продать тому же Шаруку что-нибудь. Просто что-нибудь Шаруку не нужно. Шарук брал шкуры зверей, добытые охотниками, и ценную древесину горного тарталья.

За один ствол тарталья можно было одеть всю семью. Да что там одеть! Можно жить безбедно год, а то и более. Уж очень ценилась древесина этого странного дерева. Красивые переливы перламутра вызывали восторг мебельщиков. Ночью, когда так темно, что ничего не видать, слабое свечение мебели из тарталья дает возможность ходить по комнате, не натыкаясь на другие предметы обстановки. Да только найти горный тарталь трудно, а срубить и подавно! Растет на скалах, куда без специального снаряжения, да еще и с топором, забраться ох как сложно! Но находились счастливчики, которые не только находили, но и умудрялись срубить. Нечасто такое бывало, очень нечасто. Но коли уж случилось, то этот день становился счастливым для всего рода, ибо он становился богатым, и рассказы об этом случае передавались из поколения в поколение.

– Барат, я сегодня беру два топора, пойдем нарубим на зиму дрова. – Турот туго затянул ремень и повернулся к сыну.

– Я не пойду, – глухо ответил Барат, опустив голову к столу, за которым сидел, не решаясь посмотреть в глаза отцу.

Турот выпрямился и строго посмотрел на сына:

– Почему?

Сайна прекратила возиться у печи. Она не обернулась, но по напрягшимся плечам можно было определить, что мать с напряжением прислушивается к разговору. Турот заметил, как на мгновение гримаса боли исказила лицо Барата.

– Я не могу. – Барат нервно сжал кулаки и поднял голову.

– Объясни, сын! – Турот подошел к столу и, опершись на него руками, пытливо посмотрел на парня.

– Они живые! – вдруг, неожиданно для себя, выпалил Барат. – Когда их рубят – мне больно! Как будто топором мне по телу рубят.

– А как зимой у печи теплой сидеть, тебе не больно? – сердито отозвалась Сайна, поворачиваясь к мужчинам.

– Подожди, Сайна! – повелительно сказал Турот. – Тут вопрос серьезный. Если это то, о чем я думаю, то мне понятно это нежелание. А когда деревья тут пилим, тебе не больно?

– Нет, – покачал головой Барат.

– Мгм... – Турот захватив ладонью нижнюю губу, задумчиво покосился на Сайну, потом снова обратился к Барату: – А ты пробовал понимать деревья?

– Ты что, старый, совсем умом тронулся? – ахнула Сайна. – Как же их понимать, коли они не разговаривают?

Турот только грозно засопел. Сайна испуганно замолчала. Она хорошо знала, что, когда Турот издавал такое сопение, ему лучше не перечить.

– Мне кажется, что понимаю, – пожал плечами Барат. – Только это все как-то медленно...

– Что медленно? – поднял брови Турот.

– Ну думают... или говорят медленно. – Барат пытался найти правильное определение. – Вернее, не говорят, а чувствуют... Я не могу объяснить, это как-то сложно.

Турот в раздумье смотрел на Барата. Потом его лицо оживилось:

– А давай кое-что попробуем? Пошли во двор!

Турот, широко шагая, стремительно подошел к воротам. За ним спешили недоумевающий Барат и Сайна, которую заинтересовало поведение мужа.

Турот вышел за ворота и остановился у старого дуба. Он похлопал ладонью по его коре и указал рукой на одну из ветвей.

– Вон видишь эту ветвь? – обратился Турот к Барату. – Она неправильно растет и не нужна ему. Попробуй пообщаться. Попроси его избавиться от этой ветки.

– Как пообщаться? – Барат с удивлением посмотрел на отца. – Я их чувствую, но я же с ними не разговариваю.

– А ты попробуй! – настаивал Турот.

Барат пожал плечами, но все же приложил ладонь к шершавой коре старого дерева. Сначала он ничего не ощутил, но потом почувствовал легкую дрожь потоков, протекающих по мощному стволу. Он увидел мысленным взором все переплетение жизни могучего гиганта. Да, ветка, о которой говорил отец, выпадала из этого узора. Ну не вязалась она с ним! Через некоторое время в воображении Барата сформировался новый узор, в обход этой ветви. Проявились новые пути движения потоков. Питание ветви блокировалось, она отмирала прямо на глазах. Барат это видел мысленно, а Турот наблюдал непосредственно. Турот увидел, как листья на ветке засыхали и, отрываясь от веток, плавно заскользили вниз. Ветвь дрогнула и начала падать. Турот понял, что она сейчас рухнет прямо на стоящего рядом с деревом сына. Он прыгнул, захватил Барата за пояс и рванул его в сторону. Грохот упавшей ветви совпал с испуганным возгласом Сайны.

– А встать так, чтобы тебе не грозила опасность, ты не мог? – Турот укоризненно смотрел на Барата.

– Прости отец, я не подумал. – Барат виновато улыбнулся Туроту.

Турот еще раз покачал головой и повернулся к дубу. Картина, представшая его взору, поражала. Место, из которого ранее росла ветвь, было чистым, как будто там ничего не росло ранее. Свежая кора начала покрывать этот малозаметный шрам.

– Да! – Турот запустил пятерню в свою шевелюру. – Кому рассказать, так не поверят. Объяснить, как это получилось, ты, конечно, не можешь?

Барат отрицательно покачал головой. Какими словами передать те чувства, что он ощутил, влившись в организм растения? Получилось то, что получилось.

Зимы в Пограничье суровы и снежны. Опадениха окружена снежными, неприветливыми лесными массивами. Пробриться через снеговые завалы дело трудное. Долгими зимними ночами часто слышен вой белых волков, наглежащих с каждым днем. Уже замечены они были у крайних домов деревни. Тревожился испуганный скот. Хозяева надеялись только на крепость стен и запоров сараев, в которых содержались животные.

Турот распахнул дверь кузницы, выйдя подышать свежим морозным воздухом, и замер. Перед ним, оскалившись, стоял здоровенный белый волк, еще пара кружилась неподалеку. Барат, почуяв неладное, выглянул через плечо отца во двор. Мгновенно оценив опасность, схватил свой меч. Волк уже подобрался перед прыжком, когда между ним и добычей возникла фигура с мечом, кромка которого сияла голубым яростным светом. Турот не успел ухватить сына, когда тот промчался мимо него.

Барат чувствовал, как его клинок завибрировал, желая схватиться с неведомой опасностью. Руки слились с рукоятью меча в единое целое. Барат был готов к бою с волками. Да, с волками, потому что пара, кружившая неподалеку, заметив появление людей, бросилась в их сторону.

Вожак, недолго думая, прыгнул, целя в горло Барата. Коротко свистнул меч, оставляя за собой сияющий голубой след. Барат сделал шаг в сторону, пропуская мимо себя обезглавленное тело. Тут же меч пошел вверх, рассекая снизу второго подбежавшего зверя. Без прерыва описав шелестящую дугу, клинок вошел в тело третьего, пытавшегося в прыжке сбить Барата с ног.

Турот, выскочивший из кузни с топором в руках на помощь сыну, растерянно замер, осматривая поле боя.

– Да, сынок. Ребан учил тебя хорошо, – наконец выдавил из себя Турот.

– Ребан пока еще не учил меня ударам, – возразил Барат, стряхивая с меча тушу волка. – Это как-то само получилось. Он вроде сам тянул меня за руку. – Барат с уважением посмотрел на свой клинок.

Турот покачал головой:

– Тогда он спас тебе жизнь! Дай ему имя, раз уж он так непрост.

– Может, Волкобой? – Барат вопросительно взглянул на отца.

– Дай Единый, чтобы он только волков и бил, – скептически хмыкнул Турот. – Но у нас в Пограничье, к сожалению, не только волки водятся. Имя клинка должно быть недлинным, красивым и личным. Например, Клык дракона. Чем не имя?

Барат в мыслях покрутил предложение отца. Нет, что-то не то! Не вяжется с его клинком это имя. О! Вот лучше, наверное – Синий Огонь! А если коротко, то просто Огонь. О своих размышлениях Барат тут же рассказал отцу. Теперь настала очередь Турота перекачивать имя – мысленно, так и этак. Наконец он кивнул, соглашаясь. Имя нормальное, да и мечто Барата, значит, и называть ему. Довольный Барат тщательно вытер клинок, хотя он и так был чист, завернул Огонь в рубашку и бережно уложил на место.

В кузницу набилось, почитай, все мужское население деревни. Рядились, что делать. Купеческого каравана давно уже не было, волки держат осаду. Вон у Каррота в сарай провалились, двух телок задрали.

– Чтобы волки в человеческое жильё заходили, такого раньше не было! – скрипуче вещал Сарсут, старейший житель Опаденихи. – Это не к добру! Что-то надвигается.

Совсем стар стал Сарсут, глаза уже плохо видят. Старческие узловатые пальцы сложены на ручке клюки. Ноги тоже уже ходить отказываются. Память еще не плоха, да кому передать мудрость, за эти годы накопленную? Молодежь вон своим умом живет. Свои шишки набивает, на них, своих, и учится. А ведь Сарсут многое мог бы порассказать. Помнит он тех, кто уже давно ушел. Помнит трех человек, что в медвежьих шкурах из леса вышли, помнит набег лихих воинов племен Таш, помнит и пожар, спаливший всю деревню и лес на две версты вокруг. Но никто слушать не хочет.

– Надо охотникам собраться, – выдвинул предложение Покар, староста деревни. – Всем скопом на волков выйти, научить, что к нам соваться нельзя!

– Да? Так они и будут ждать, пока толпа охотников на них пойдет! – скептически хмыкнул Каррот. После потери скотины и последовавшей за этим тяжелой сцены, что устроила ему жена, Каррот пребывал в плохом настроении. – Они в это время с другой стороны нападут!

– Пусть охотники на группы поделаются, с разных сторон и ударят, – предложил Ребан. – Тактика мелких групп, она всегда себя оправдывала, что против людей, что против зверей.

Барат напряженно внимал происходящему. Его впервые позвали на совет – за заслуги. О том, что он шутя порубил трех волков, уже два дня гудела вся деревня.

Мужики еще поспорили немного, но альтернативы предложению Ребана не нашли. На том и порешили. Потом произошло разделение на группы, уточнение задач каждой из них.

Утром Ребан встретил Барата, стоя на крыльце. В руках бывший гвардеец держал непонятный длинный предмет. Его-то он и протянул Барату. При ближайшем рассмотрении это оказались ножны, но какие! Тщательно сработанные из тонких деревянных пластин, обшитые вычерненной волчьей шкурой. Яркими блестками сияли заклепки, набитые замысловатым узором. Недоумение Барата вызвала система ремней, прикрепленная к ножнам. Ребан с улыбкой смотрел на восторг молодого парня. Право слово, как ребенок с новой игрушкой! Да и то, посудить, так игрушка и есть. Только для детей одни игрушки, а для взрослых – другие, взрослые. На недоуменный вопрос Барата о ремнях Ребан ответил, что меч, если он не двуручный и не длинный, удобнее носить за спиной. Не мешает и выхватывать удобнее, да и замахиваться, что характерно, не надо. Ребан помог закрепить ножны так, как надо. Огонь мягко скользнул в новый дом. Барат расправил плечи, прислушиваясь к ощущениям.

Накануне Барату пришлось потрудиться. Да и не только ему. Волки, видимо, тоже провели совет и решили на нем уничтожить людей, мешающих им, волкам, добраться до сладкого мяса внутри сараев. Всей стаей белые волки вечером вошли в деревню. Их встретили охотники. Пылающие факелы освещали страшное поле боя людей и зверей. Огонь не пугает белых волков. Почему? Никто не знал. Всех зверей огонь пугает, а волков нет. На острие группы охотников находились Барат с Огнем в руках и Ребан-воин с двумя парными клинками, которыми он владел в совершенстве. Именно они и приняли на себя первый удар волчьей стаи.

Барат едва удерживал меч в руках! Тот рвался в бой с яростным гудением. Гудение, само собой, слышно было только Барату. Зато голубое сияние у клинка видели все.

Во главе волчьей стаи двигались четыре мощных самца. В их глазах отражались огни факелов. Губы их морщились, обнажая устрашающие клыки. Они стелились над сугробами, не проваливаясь в глубокий снег. Отставая на несколько метров, за жожаками двигалась основная масса стаи. Барат, напрягая глаза, насчитал голов сорок.

Голубое сверкание Огня не осталось незамеченным волками. Самцы остановились, глухо порывивая. Ребан, прихрамывая, сместился вправо. Его клинки были опущены вниз остриями. Руки были обманчиво расслаблены.

Самый мощный жожа неожиданно бросился на Ребана. Это послужило сигналом для остальной стаи. Барату стало не до того, чтобы смотреть по сторонам.

Отскок в сторону, удар сверху вниз... Поворот, принять стойку... Снова уход с линии прыжка, удар острием... Время спрессовалось в единый миг, заполненный свистом клинка, мимолетными, зафиксированными зрением картинками – оскаленными волчьими мордами, предсмертным визгом разрубленных тварей.

Стае пришлось пройти сквозь мясорубку, устроенную двумя защитниками. Прорвавшихся совместными усилиями добивали охотники деревни. Волки дорого отдавали свои жизни. Люди тоже не все целы были. Много рваных ран перевязали женщины после боя.

Барат пришел в себя внезапно. Только что кипела яростная схватка – и вдруг все закончилось. Он стоял на истоптанном снегу, среди кровавых луж и туш убитых волков. Остервенение боя начало проходить. Навалилась усталость. Вокруг были слышны негромкие разговоры, стоны, изощренная ругань мужчин. Как ни странно, у Барата не было ни царапины. Ребан тоже обошелся без серьезных ранений благодаря изумительному владению клинками. Хотя одежда была разодрана в нескольких местах.

У Барата на левом сапоге был оторван каблук, которым он сгоряча пытался отодвинуть в сторону смертельно раненного волка. Издыхающий зверь не замедлил вцепиться в сапог. Рванувшись, Барат оставил в пасти волка, вместе с каблуком, всю подошву. Остаток боя он провел с босой ногой.

Сейчас Барат чувствовал удовлетворение меча боем. Да и сам он был собой доволен. Ремни сбруи нигде не жали. Она на удивление ловко сидела на плечах. Видно было, что Ребан постарался и, обладая точным глазомером, все тщательно подогнал под фигуру парня.

– Ты вчера хорошо орудовал мечом! – похвалил Ребан. – Многие удары были выполнены хоть и не совсем идеально, но правильно. Где ты научился им? Я ведь тебя еще не учил таким приемам.

Барат почувствовал, как стало жарко щекам. Да, Ребан не учил ударам, но Барат тайком подсматривал за упражнениями учителя, а потом, наедине с самим собой, старательно повторял увиденное.

– Я смотрел, как это делаешь ты, – неуверенно произнес Барат.

Брови Ребана поползли вверх.

– Ты уловил технику ударов? Ты меня удивил! – Ребан покачал головой. – Да и сам я вижу, что пришла пора учить тебя технике боя – ударам, блокам, контрударам. Это будет тяжелая наука, но она стоит того, чтобы ее изучать. Я знаю, что когда-нибудь ты уйдешь отсюда. Там, в даях неведомых, тебе эта наука пригодится. Ты не сможешь здесь усидеть. Не такой ты человек.

Барат не хотел убеждать Ребана, что никуда он не собирается. Что работа с отцом в кузнице ему очень нравится и менять ее на какие-то дали Барат не собирается. Просто ему нравилось работать с мечом, ощущать в руках сильного и верного друга. В результате тренировок тело стало гибким, а силой его Единый и так не обидел. Ощущение силы и ловкости тоже было приятным.

Барат не знал, что Ребан, встречаясь с Туротом за кружкой эля, горячо говорил:

– Это необычный боец будет, Турот, ох необычный! Понимаешь? Он шутя схватывает и выполняет то, на что у меня уходило месяцы и годы упорных занятий. Мальчишка как будто родился с мечом в руках.

– А кузнец какой! – Турот кивал головой. – Это все кровь ардейлов, говорю тебе, кровь ардейлов себя знать дает!

– Пусть идет в дружину к князю, – гнул свою линию Ребан. – Там он может такую карьеру сделать, что тебе и не снилось! Деньги лопатой грести будет!

– Не пущу! – гневно стучал кружкой по столу Турот. – Талант кузнеца загубить не дам!

– Да что он с таким мечом дома делать будет? – рычал в ответ Ребан. – Он воин, и воин прирожденный!

– Мечом пусть владеет, но место его тут, в кузнице! – упрямо стоял на своем Турот. – Ты же видел меч, он его своими руками выковал. Не дядя подарил! А ты хочешь такой талант погубить. А если он погибнет в какой битве? Да Сайна мне вовек не простит! Я сам себе не прощу! Его нам Единый дал. Дал не для того, чтобы мы его погубили. Он мой сын! Пусть не похож! Отец не тот, кто дал жизнь, а тот, кто поднял на ноги, человеком сделал!

– Так ты что, хочешь, чтобы он здесь, в захолустье, жизнь прожил? – сердито спрашивал Ребан. – Парень на многое способен. Наша деревня для него тесна! Понимаешь?

Турот задумался. Действительно, то, что у Барата возможности великие – понятно. Что тесно ему тут будет, тоже ясно. Сейчас, может быть, и нет, а потом давить на него стены будут. Рваться душа в дали непонятные начнет. Но не хотелось отпускать его, до боли не хотелось. А Сайна? Она же костями ляжет на пороге, но не отпустит!

Турот щедро отхлебнул из кружки, сморщился и, выхватив наугад из миски соленый огурец, смачно им захрустел.

– Ладно, Ребан, – решил схитрить он. – Пока об этом рано говорить. Пускай малец тут пока повертится. Научится чему еще. А там видно будет. Захочет идти, держать насильно не буду. Ты учи его хорошенько мечом орудовать. Гоняй побольше! А я уж в кузнице ему головы поднять не дам! Чтобы дурь юношеская в голову не лезла!

Глава 5

– Ну и что это ты только что изобразил? Я тебя что, так учил? – Ребан поднялся со ступени крыльца, на которой только что сидел, и, прихрамывая, подошел к Барату. – Смотри! Движение плоскости клинка, при веерной защите, должно быть строго параллельно земле. С одновременным поворотом тела линия не должна меняться. Ты окружаешь себя кольцом из стали твоего клинка! Все, попавшее в это кольцо, должно быть перерублено! При хаотическом движении возможно невольное парирование, движение прерывается, и ты оказываешься в уязвимом положении. Давай еще раз! И ускорь движение! Клинок при этом должен становиться туманной полосой.

Тяжело дыша, Барат с досадой смотрел на своего мучителя. Как можно ускорить движение на рыхлом снегу, с тяжелыми металлическими колодками, привязанными к ногам, и свинцовыми накладками на лезвии деревянного меча? Бросить бы все и уйти в кузницу! Там отец что-то новое задумал. Сказал, что его, Барата, помощь пригодится. Да нет, не получится. После обеда время принадлежит Ребану, и с этим ничего поделать нельзя. Отец ясно дал это понять.

Тяжелое дыхание вырывалось изо рта и срывалось белым облачком за спиной. Барат неся по зимнему лесу, выполняя задание Ребана. Надо добежать до сопки и вернуться назад до того, как сгорит тщательно отмеренная Ребаном лучина. Огонь уютно устроился в ножнах на спине. По ощущениям Барат мог бы назвать его состояние дремотой. Ладно подогнанные ремни не мешали бегу. Если бы не утяжелители на ногах, Барат легко сбегал бы туда и обратно. Зачем Ребан их вешает? Говорит, что потом Барат все поймет и оценит. Потом – это потом! А сейчас Барат воспринимал такие действия как проявление очередного самодурства учителя.

Какое-то движение слева, смазанное, схваченное краем глаза. В лесу всякое может случиться! Барат насторожился, готовый в любой момент выхватить меч, слегка повернул голову в сторону замеченного движения.

Волк! Обычный серый брат. Даже еще не волк, а волчонок. Стелется параллельно бегу Барата, лукаво кося глазом на человека. Эх, красиво бежит! Конечно, ему на ноги тяжеленные железяки не подвешивают!

Бежать стало неожиданно легче. Снег уже не так мешал. Барат радостно рассмеялся и увеличил темп. Волчонок в ответ радостно взвизгнул и тоже ускорил свой бег.

Барат очень любил бывать в лесу. Лес воспринимался как большой, добрый и верный друг, готовый принять, защитить и спрятать от любой опасности. То, что в лесу бывает нечисть, воспринималось Баратом философски. Паразиты бывают везде и у всех. Просто надо уметь защититься от них.

Встречи с нечистью Барат не боялся. Огонь бы его предупредил, как это уже бывало. Вон неделю назад Барат бежал по распадку, когда Синий Огонь за спиной проснулся и тревожно завибрировал. Одновременно с этим Барат ощутил поток темной, злой силы из-за куста, заваленного хворостом и прикрытого лапами растущей рядом ели. Не теряя времени, Барат одним движением выхватил Огонь, отпрыгивая в сторону от куста и разворачиваясь лицом к источнику опасности. Хворост разлетелся в стороны, и из куста выскочило существо. Красные глаза злобно смотрели на весь мир. Толстые передние лапы венчали острейшие когти. Задние лапы были короче передних, поэтому казалось, что существо передвигается присев.

Не останавливаясь, тварь попыталась прыгнуть, имея целью славно подзакусить человечинкой. Барат одним движением рассек веревки, удерживающие груз на ногах и мешавшие

двигаться. В момент прыжка темной твари он снова резко сместился и отмахнулся от нее Огнем. Жаль! Несильно достал. Царапина. Но что это? Царапина быстро ширилась, обнажая темно-бурую плоть. Тварь взревела, рванулась и попыталась заграбастать Барата лапами. Точнее, левой лапой с длинными когтями. Ну и осталась без лапы! Барат зорко следил за врагом. Когда тварь, завывая, свалилась на снег, Барат подскочил к ней и, взмахнув мечом, отделил уродливую голову от туловища. В момент прыжка нечисть еще пыталась достать Барата целой лапой, но зацепила лишь штанину, мигом разорвав ее сверху донизу.

За штанину Барат получил нагоняй от Ребана по полной программе, когда приволок к хижине Ребана голову твари и утяжелители с остатками веревки.

– Это кустобный жорж! Ты понимаешь это или нет? У него когти ядовитые! Если бы ты, голова два уха, присмотрелся к ним, то увидел бы, что там есть канавки для яда. А если бы он до тебя дотянулся? Лежали бы там две тушки. А мой труд? Мои нервы, что я на тебя потратил? – сердито кричал Ребан, покрасневшись от гнева. – Ты же знаешь, что нельзя подходить к зверю, пока не убедился, что он издох! Героизм проявить захотелось? Бери деревяшку, стоишь до первой звезды! И чтобы с места не сходил!

Сопка приближалась. Волчонок, весело подпрыгивая и вывалив розовый язык, мчался вровень с Баратом. Барат подбежал к дубу с наметенным у его основания сугробом. Сугроб уже был перерыт предыдущими набегам, но желудей под снегом было еще много. Желудь нужен был как подтверждение, что Барат тут побывал. Барат в очередной раз нырнул в сугроб, энергично заработал руками и выудил желудь. Порядок! В том же темпе бег в обратном направлении. Волчонок принял правила без возражений и помчался с меньшим энтузиазмом обратно. Снова заснеженный лес, снова мелькают засыпанные снегом деревья и кусты по сторонам. Легкий скрип снега под ногами и шумное дыхание усталого Барата.

На окраине леса волчонок остановился, не желая бежать дальше. Барат остановился тоже. По его прикидкам, времени еще было достаточно. Он внимательно осмотрел своего добровольного сопровождающего. В глаза бросилась невероятная худоба животного. И как у него только сил хватало бежать? И не только бежать, а явно получать от этого удовольствие? Надо бы зверюгу поощрить и поддержать. И кажется, Барат знает как. Парень рванул к домику Ребана. Волчонок остался на опушке, только смотрел вслед Барату, не делая никаких попыток уйти или побежать следом.

Барат вихрем промчался мимо Ребана, который был удивлен бодрым бегом подопечного, рванул дверь ледника, в котором хранились запасы мяса, и, выхватив из-за голенища нож, отхватил от туши приличный кусок. Не тратя времени даром, Барат бросился к лесу. Ребан его не окликнул, только внимательно посмотрел вслед, перевел взгляд в направлении бега и увидел стоящего на окраине леса волчонка. Понимающе кивнул и, буркнув что-то себе под нос, снова склонился над парой снегоступов, приводя их в порядок.

Волчонок внимательно смотрел на приближающегося Барата, черный нос вдруг заходил ходуном. Учужал мясо! Барат присел перед ним на корточки, протягивая кусок. Волчонок осторожно шагнул, не сводя глаз с Барата, аккуратно ухватил подношение. Мясо исчезло мгновенно!

Барат ласково улыбнулся:

– Я буду звать тебя Вольфом.

При звуках человеческого голоса Вольф напрягся, но с места не сдвинулся. Барат говорил негромко. Волчонок, казалось, прислушивался и все понимал.

С тех пор каждый день Вольф поджидал Барата на опушке и сопровождал его в пробежках. К лету от худобы его не осталось и следа. Пышная серая шубка сменилась на более

скромную – летнюю. Сильный и красивый зверь теперь скользил по лесу вровень с бегущим человеком.

Вот так, в занятиях и трудах, прошла зима.

Травник месяц – самое лучшее время! Отшумели весенние ручьи. Лес оделся в яркую молодую зелень листвы. По утрам оглушительно звенели птичьи голоса. Деревенские знахарки занимались сбором целебных растений, цветом лесных трав и деревьев. Белые волки ушли в глубь лесов, и, по крайней мере, до следующей зимы была надежда их не увидеть более. Странные и страшные звери! Где находились их летние берлоги, не знал никто.

А Ребан уже начал давать Барату уроки непосредственно по самому бою. Атаки, контратаки, блоки сыпались в жадную, быстро все схватывающую память молодого кузнеца. Сначала сам Ребан показывал прием. Он в первый раз проводил его быстро, потом медленно, объясняя, как и зачем должен двигаться клинок.

После этого наступала очередь Барата. Он до одури повторял все показанные движения своим деревянным подобием меча, слушая критические высказывания старого воина. Но и этого было мало! Все новое Барат потом еще долго тренировал в одиночестве своим Огнем. Для этого он уходил в глубь леса, в сопровождении только Вольфа, радостно встречавшего Барата на некотором расстоянии в чаще. Вот там, на небольшой, облюбованной еще в прошлом году полянке, Барат крутил меч, шлифуя полученные знания.

Турот морщился, видя, что Барат уделяет все меньше времени кузнице, но безропотно отпускал его, надеясь на скорое окончание курса обучения. Сам же уговорил! И ничего тут не поделаешь. А с другой стороны, работа сына вызывала уважение у Турота. Сделанное Баратом носило явный признак мастерства. Уже никто не мог различить, где работа самого Турота, а где Барата. Но вот попыток создания чего-то необыкновенного у Барата больше не было. Работал он в кузнице, если можно так сказать, без огонька.

Барат устало опустился на траву, положив клинок рядом с собой. Натруженные мышцы ныли, но ныли приятно. Удовлетворение наполняло душу молодого парня. Наконец-то блок с переходом в прямой колющий удар получился! А сколько пришлось с ним повозиться? Ребан долго не мог разьяснить суть этого приема Барату. Потом были затруднения с разбором его. Медленно, по частям, он не получался. Вся суть и была в том, чтобы его проводить быстро, молниеносно!

Барат откинулся на спину и, заложив руки за голову, умиротворенно посмотрел в небо, следя за большим кучевым облаком, которое медленно и величаво проплывало над лесом.

Вольф, вернувшийся к другу, расположился рядом. Ему было жарко, вываленный язык часто подрагивал. Но вся его поза выражала немедленную готовность присоединиться к любым действиям Барата. На время тренировок человека Вольф благоразумно уходил в лес. Барат, когда начинал кружиться в танце клинка, ничего вокруг не замечал. На это уже обратил внимание Ребан, требующий от ученика, чтобы тот, как бы ни был занят боем, видел все вокруг. И такое видение уже начало приходить. Но пока слишком недолгое. Впрочем, у Ребана в запасе имелось немало способов, как и чему научить.

Внезапное рычание Вольфа заставило обратить на него внимание. Барат быстро перевернулся на бок, настороженно повернул голову в сторону волка, определяя, что могло вызвать такую реакцию у друга. Вольф напряженно смотрел в сторону села. Его уши прижались к голове, поднялась и наморщилась верхняя губа, обнажая белоснежные великолеп-

ные клыки. В горле клокотало глухое рычание. Что же вызвало такое поведение у Вольфа? Никогда ранее он не показывал такое отношение к поселению людей.

Барат напряженно попытался проникнуть взглядом сквозь чащу деревьев, отделявшую его от ближайших домов. Само собой, ничего увидеть не смог. Уж слишком густо росли растения. Чуть подняв глаза, увидел еще одно облако, медленно наползавшее из-за деревьев. Облако черного дыма, поднимающееся со стороны деревни.

Глава 6

Несколько мгновений Барат всматривался, не желая верить своим глазам, но облако густело и не собиралось исчезать. Ясно было, что там что-то горит! Пожары были бичом поселений. Уж слишком легко огонь охватывал высохшие за многие годы деревянные стены домов. В такие моменты все, и стар и млад, бросались тушить пожар. Странно было, что не слышен набат, которым сзывали народ в таких случаях.

Лихорадочно подхватив меч, Барат вскочил на ноги и бросился в сторону деревни. Лес как будто сам расступался, давая ему дорогу. Вольф вскочил и бросился следом за парнем. Барат мчался к дому. Душу наполняло какое-то тяжелое предчувствие. Он уговаривал себя, что ничего страшного, это просто пожар, но сердце заходило и сжималось болью.

Выскочил на опушку и бросил взгляд на деревню. Резко остановился, не веря тому, что увидел. В глаза сразу же бросилась картина пылающей кузницы. Но не только ее поедало пламя. На том берегу речушки тоже горят дома! Да что же там такое творится?

Барат рванулся к зданию. Он, прикрывая лицо рукой, попытался заглянуть в середину кузницы. Никого! Тогда домой! Быстрее!

Скатился к воде. В три прыжка преодолел поток воды, несущийся рекою. Вскрабклся по косогору вверх. Вот и дом. Языки пламени лижут крышу! Что же такое? Никто не тушит! Что происходит?

Барат, тяжело дыша, вбежал во двор. Первое, что увидел, – отец, лежащий навзничь...

Он был мертв. Остекленевшие глаза безучастно смотрят в небо. Страшная рана на груди. Лужа крови, расплывавшаяся под спиной. Рука, бессильно сжимающая топор. Барат перевел взгляд дальше. Три фигуры, склонившиеся над Сайной... Болезненный предсмертный вскрик матери.

Гулкая тишина наполнила голову, клинок сам оказался в руке, полыхая голубым огнем. Волна ярости, охватившая Барата, подхватила его и понесла к черным фигурам. Ярость и боль, боль от разом поломанной жизни, от потери родных ему людей затуманили голову. Черные даже не успели обернуться, отреагировать, как сталь Огня настигла их. Три мертвых тела рухнули на землю двора.

Рыча от боли и отчаяния, Барат развернулся. Несколько одетых в черную одежду фигур вбегали во двор, держа в руках обнаженные изогнутые мечи. Один из нападающих остановился, поднял короткий изогнутый лук и быстро выпустил стрелу в Барата. Тело отреагировало само. Недаром Ребан отрабатывал с ним до изнеможения этот прием. Свистнул меч в руке Барата – стрела отлетела, отбитая плоскостью меча. И тут же зазвенел, загудел, запел, яростно вступив в бой, Синий Огонь.

Саму сечу Барат так и не запомнил. В памяти остались обрывки от боя. Разлетающиеся, как будто их сделали изо льда, осколки вражеских мечей... Гортанные крики, вопли и стоны врагов, которых достала сталь клинка Барата... Голубые блики Огня, тянущиеся за лезвием, капли крови очередного врага...

Сам того не сознавая, Барат прошел в танце смерти всю деревню. Неведомое доселе чувство вело его за собой. Оно управляло им. Оно заставляло его наносить удары, которых не учил, которых не знал даже Ребан.

Барат не знал, сколько врагов он убил. Он убивал всех черных воинов Таш, которых встретил на пути. Они сами выбегали навстречу Барату, а значит, и своей смерти. Меч в его руках жил своей жизнью. Он исполнял свой танец – танец боя! Выписывая невиданные фигуры, разносил вдребезги клинки врага и с наслаждением вгрызался в их тела, лишая жизни.

Так Барат дошел до дома Ребана. Это был единственный дом, пространство вокруг которого уже было усеяно трупами в черных одеждах. Сам Ребан лежал ничком на земле перед крыльцом. Из спины торчало несколько стрел с черным оперением. Двое стрелков с луками в руках обернулись на появление Барата. Они даже успели вскинуть луки. Но это было все, что они успели сделать. На невысказанной скорости, в прыжке, Барат дотянулся до них. Один, ухватившись руками за живот, кулем осел на месте. Голова второго далеко отлетела в глубь двора...

...Первыми стали пробиваться к сознанию звуки. Щебет птиц, шелест ветра в кро-нах деревьев, шумное сопение Вольфа, пытающегося влажным носом поддеть опущенную в траву голову Барата. Левая рука, бессильно вцепившаяся пальцами в землю, непросохшие слезы на щеках, боль в сердце. И ненависть к тем, кто все отобрал у него.

Барат почувствовал в правой руке рукоять Огня. Она жгла ему ладонь. Меч как будто поддерживал, подбадривал его, требовал не отступать и бороться.

Барат медленно поднял голову. Вольф радостно заскулил. День уже перевалил за пол-день. Как Барат оказался здесь, среди леса, он не помнил. Поднялся с земли, постанывая от боли в плечах. Осмотрел себя. Да, одежда оставляла желать лучшего. Порванные в несколь-ких местах штаны и рубашка, пятна крови на них. Странно, что нет ни одной раны, учитывая страшную рубку в деревне.

Снова нахлынула леденящая сердце тоска и боль потери. Как жить дальше? Что делать дальше?

Вольф вдруг насторожил уши, глядя в лес, потом зарычал. Таким предупреждением пренебрегать не стоит! Но что встревожило серого друга? Барат забросил Огонь в ножны и мигом вскарабкался по ветвям стоящего рядом высокого дерева на самую верхушку. Вид открылся перед ним далеко не радостный. Вдали вился черный дым от сожженной деревни, а вблизи... Вблизи он увидел ненавистные черные балахоны, пробирающиеся по лесу в его, Барата, сторону. Слишком много! Не справиться! Как они узнали, что он здесь? Впрочем, это не важно!

Барат поспешно спустился вниз. Надо бежать! Куда? Конечно, в горы! Куда же еще? Таш – жители степей и равнин. Они не знают леса так, как знает его Барат. Они не смогут настичь его в лесу. Или смогут? Ведь как-то же смогли определить, где он... Все равно! Надо оторваться от них!

Барат быстро спустился с дерева и помчался по лесу. Барат побежал так, как и учил Ребан, как бегал много раз до этого – размеренно, сразу взяв хороший темп. Даже высокий гортанный крик за спиной не сбил его с ритма. Утяжелителей на ногах нет. Попробуйте догоните! Тело рванулось в сторону, пропуская мимо себя свистнувшую черную стрелу, с глухим стуком вонзившуюся в ствол ближайшего дерева.

Яростные крики за спиной указали на то, что воины Таш увидели его и бросились за ним в погоню.

Барат не сразу понял, что выбрал ошибочный путь. Он бежал вдоль небольшой, но бур-ной речки. По сторонам угрюмо вздымались скалы. Крутые склоны их не давали возможно-сти подняться. Вольф сразу ушел в сторону и исчез из видимости еще в самом начале бега. Да он и не нужен был разъяренным степнякам. Жажда мести и смерти наглого мальчишки, убив-шего столько их сородичей, подстегивала преследователей, а неприступные склоны давали надежду, что месть удастся.

Барат лихорадочно искал взглядом место, где он сможет подняться наверх. Там лес, и именно там – спасение. Как же он сразу не сообразил, что этот путь не тот, которым ему надо было бежать? Если бы он взял чуть правее, воины Таш не смогли бы его догнать. Взгляд Барата напрасно шарил вокруг. Он всюду наткнулся на неприступные стены.

Выскочив за поворот, Барат невольно остановился. Тупик! Ущелье заканчивалось водопадом, падающим с высоты большого дома. И взобраться по камням наверх не представлялось возможным. Хотя нет! Вон там выступ, за который можно ухватиться.

Барат рванулся вперед и, прыгая по мокрым камням, попытался добраться до спасительного выступа. Нога соскользнула с мокрого камня, сильная боль заставила вскрикнуть. Барат упал и с тоской посмотрел на выступ, до которого так и не дотянулся. Боль в ноге не проходила, что заставляло предположить самое худшее. Крики врагов приближались. Поставив от боли, Барат дополз-таки до выступа. Нет, не взобраться! Зато под выступом есть выемка. Вытащив меч из ножен, Барат протиснулся в эту выемку и приготовился дорого продать свою жизнь. Больше одного воина сюда не сунутся. Напрягает то, что у Таш есть луки, но тут уж как получится.

Крики стали громче. В них было слышно безумие, охотничий азарт и желание убивать. Барат стиснул зубы и глубоко вздохнул. Эх, жаль, что так получилось! Видать, так было угодно Единому. Не пришлось отомстить за смерть родных людей полной мерой. Осталось только подороже продать свою жизнь. Огонь, соглашаясь, полыхнул в его руке синим пламенем.

Когда Барат уже был готов увидеть появление самого приткого из преследователей, за спиной раздался легкий скрип. Барат не успел осознать, что происходит, как его крепко ухватили за плечи и руки. Вслед за этим последовали сильный рывок и падение в темноту. Снова легкий скрип – и наступила тьма.

Впрочем, тьма была недолгой. Послышались быстрые сильные удары камня о камень. Вспыхнул факел, выхватив из темноты растрепанные волосы, сосульками спадающие на лоб, маленькие глазки, нос картошкой и пышные усы с не менее пышной бородой.

– Ну что? Кого вы выловили там? Показывайте! – пророкотал бас владельца факела.

Вспыхнуло еще несколько факелов. Один из них бесцеремонно был поднесен к лицу Барата.

– Человек?! – Лицо искривилось в брезгливой гримасе. – Я думал, что-то стоящее! Стоило ли ради него подвергаться опасности? Решено же, что людям оставить надо людское! Пусть они себе кромсают друг друга! Нам-то что до этого?

– Не спеши с выводами, Тархрет, – раздался голос рядом с Баратом. – Посмотри на его шевелюру!

– Ха! Мало ли среди людей мальчишек с белыми волосами? – скривился тот, кого называли Тархретом.

– А меч? Посмотри на него! – настаивал сидящий рядом с Баратом. – Ты можешь сказать то же самое и о клинке?

Тархрет сделал пару шагов, присматриваясь к мечу в руке Барата.

– Ну вижу. Хорошая работа, – вынужден был признать он. – Но до нашей все равно недотягивает! Какого горного духа тебе приспичило вытаскивать этого парня?

– А то, что он может светиться синим, это как тебе?

Рука Тархрета потянулась к затылку.

– Светится, говоришь? – задумчиво пробормотал он. – Странно.

– Тебе такой комплект ни о чем не напоминает? – настаивал собеседник Тархрета.

– Да, напоминает кое-что, – вынужден был признать Тархрет. – Уж не хочешь ли ты, Брамур, сказать, что он из...

– Не спеши с выводами! – резко прервал Брамур. – Но меч сам по себе очень необычен. Надо, по крайней мере, узнать, откуда он у мальчика. Да и сам малец откуда? В этих местах таких отродясь не водилось.

Барат опустил взгляд на свой меч. Странно, но он уже не светился. И вообще парень ощущал спокойствие и умиротворенность, исходящие от Огня. Как будто Барат попал в спокойное и мирное место, где ему ничего не угрожает. А вот нога болела, и болела все сильнее. Барат даже застонал от острого приступа боли.

– Эй, да он же покалеченный! – заволновался Тархрет. – Какой толк от покалеченного человека? Пусть даже и с необычным мечом. Может, все же выкинем его наверх, когда те уйдут? А меч можно и себе оставить. Разберемся на досуге.

– Что? Да ты на меч внимательней посмотри, каменная твоя душа! – сердито забасил Брамур.

– Я уже сказал – добрая работа. Дай-ка его сюда! Посмотрю сейчас внимательнее.

– Сам бери, если тебе руки не дороги! – замотал головой Брамур. – Я рисковать не хочу. Тархрет постоял молча, поглядывая то на Барата, то на меч в его руке.

– Ты хочешь сказать... – голос Тархрета дрогнул, – что это тот самый? Откуда такое может быть?

– Ручаться не буду, но очень похоже, – отрезал Брамур, наклоняясь над ногой Барата и осторожно снимая с нее обувь. – А откуда... Вот этого ты никогда не узнаешь, если выкинешь мальчика!

Брамур как-то неосторожно пронес руку над лежащим Огнем. Тот среагировал мгновенно, предупреждая зарывав. Брамур тут же быстро отдернул руку. Он что, слышит? Барат с удивлением посмотрел на Брамура.

– Эгей, парень! А у тебя проблемы. Нога, кажись, того... Фьють! – присвистнул Брамур.

– Так отруби ее к горному духу! – посоветовал кто-то из темноты.

– Нет! Слишком простое решение. Тут, пожалуй, лекарь нужен, – рассудил Брамур. – Я лучше тебе чего-нибудь отрублю. Особенно, если окажется то, о чем я думаю.

– А о чем ты думаешь? – насторожился Тархрет.

– А о том, чем думаешь ты, – хмыкнул Брамур в усы, поднимаясь на ноги. – Ну чего, паря... Пойдем! На меня обопрись и пойдем. – Брамур протянул руку Барату, помогая ему встать.

Только поднявшись, Барат смог осознать, насколько отличается он от этих подземных жителей. При всем при том, что это были, несомненно, взрослые люди, о чем свидетельствовали бас, широченные плечи и мощные руки, они едва достигали ростом до пояса Барата. Да и люди ли это? Широкие плечи делали их похожими на копны, которые оставались на полях после уборки хлеба. Но в руках у тех копен не было устрашающего вида секир и увесистых молотов, да и рук не было. Пышные бороды и усы делали этих карликов похожими друг на друга, как братьев.

– Ну ты и дылда! – восхитился Брамур, задирая голову на Барата, который уперся макушкой в потолок туннеля.

Барат кое-как закинул Огонь в ножны, покачнулся на одной ноге и тяжело оперся на плечо Брамура. Тот даже не вздрогнул.

– Мешок с рудой потяжелее будет, – ответил Брамур на вопросительный взгляд Тархрета. – Вот только по нашим-то туннелям ему трудно брести будет.

– А ну, братья, подхватили этого человечка! – скомандовал Тархрет. – Взяли! Понесли!

Барат почувствовал, как его снова ухватили за здоровую ногу, за плечи, руки... И, шаркая множеством ног, толпа сопящих карликов куда-то его потащила по подземным переходам.

Барат, даже несмотря на острую боль в ноге, с изумлением оглядывался по сторонам. Скучный свет факелов все же позволял ему увидеть кое-что. Такое ему даже присниться не могло.

Короткие ножки не мешали гномам. Процессия неслась по подземным коридорам на впечатляющей скорости. Удивляло, что низкие, по меркам Барата, потолки прохода ни разу не помешали движению. Карлики как будто чувствовали, где надо опустить Барата, а где приподнять на удобную для них высоту.

Постепенно на протяжении туннеля стали появляться ответвления. Появились и освещенные места, что позволяло рассмотреть еще больше подробностей. Шары желтого цвета висели то тут, то там. Появились и другие жители, тоже карлики, между прочим. Каждый из них занимался каким-то своим делом. И ни одной женщины! Все бородатые и усатые. Одетые в крепкие, на взгляд Барата, одежды. Кто-то что-то тащил. Кто-то что-то ремонтировал. Раздавался стук, гроыхало железо.

Тархрет на бегу что-то выкрикивал, отдавал распоряжения. То один, то другой из группы отпускал свою ношу и уходил в сторону. На освободившееся место сразу же пристраивался другой. Барат боялся, что его уронят, но карлики действовали очень слаженно. Это поражало, но скорей всего, эти операции были отработаны до автоматизма. Видимо, не только Барата приходилось им таскать таким образом.

Процессия вихрем пронеслась по коридорам и остановилась перед проходом, завешенным плотной тканью. Брамур тихонько подошел, осторожно заграбастал пятерней материю и, отодвинув ее в сторону, просунул туда голову.

– Эй! Лекарь! Спишь, что ли? – услышал Барат его хриплый шепот.

– Кого там горные духи принесли? – раздался в ответ густой бас. – Опять кому-то на голову свод обрушился? Сколько раз говорить, чтобы железные котелки на голову напяливали! Не пойду я туда! Сюда это тело доставляйте! Так и быть, смерть я засвидетельствую.

– Ты не шуми, – ласково посоветовал Брамур. – А лучше скажи: ты человека пользоваться умеешь?

– А? – раздалось в ответ. – Видать, это тебе на голову свод упал. Ты гляди, сам пришел. Живой! С чего это ты, старая кирка, человеками заинтересовался?

– Ну, значит, надо, если спрашиваю! – недовольно прогудел Брамур.

– Человеки – существа слабые и недолговечные, – категорически прозвучало из-за ткани. – Поэтому их пользоваться бессмысленно, все равно помрут.

– Но ты-то можешь? – не отставал Брамур.

– Я все могу! – Ткань зашевелилась, и на пороге появился еще один карлик. – Чего ты ко мне пристал с этими человеками?

– Не с этими, а с этим, – подчеркнул Брамур, жестом показывая на Барата.

– Человек? – удивленно воскликнул лекарь.

– Да я же тебе, Портрат, об этом и толкую! – оскалился в улыбке Брамур.

– В каком штреке вы его откопали? – обернулся к нему Портрат.

– Он нам на голову свалился! – вмешался Тархрет. – Думали ценное что, а оказалось...

Все карлики дружно загоготали. Видимо, Тархрет сказал что-то очень смешное.

– Ну там бы и оставили, – посоветовал Портрат. – Чего сюда его приволокли?

– Да есть кое-что, что заставило, – неопределенно сказал Брамур.

– Ну ладно, тащите его сюда! – повернулся к занавесу Портрат. – Посмотрю, что тут можно сделать. Только за успех не ручаюсь. Помрет – значит, на то воля Горного Хрусталя.

Чуть не сорвав занавес, сопящая группа карликов занесла Барата в пещерку. Пещерка была ярко освещена. Было тут два крепких каменных стола, три больших, каменных же, сундука. Из отверстия в потолке, прямо в пристроенную под ним вычурную чашу, лилась прозрачная вода. Куда вода девалась из самой чаши, было загадкой, но пол вокруг чаши был

сух. На одном из столов лежало какое-то полуразобранное приспособление, которым, по всей видимости, Портрат и занимался в момент прихода делегации с больным.

– Занавеску задерни! – распорядился Портрат, повелительно махнув рукой на свободный стол: положите, мол, туда.

Он не спеша подошел к Барату и устался на его ногу. Остальные столпились за его спиной, шумно сопя и подталкивая друг друга локтями.

Портрат остановился, заложил руки за спину и, подняв голову к потолку, застыл.

– Чего стал? – заинтересованно спросил Брамур.

– Жду! – рявкнул лекарь. – Когда вы все отсюда уберетесь! Ввалились, принесли неведомо что, наследили, занавеску чуть не сорвали! Вы что, тут поселиться решили?

– Дык интересно же! – нерешительно сказал Брамур.

– *Вон!* – заревел Портрат.

Топот множества ног выметающихся из пещерки карликов послужил ему ответом.

Портрат снял куртку, повесил ее на спинку стула, прошел к чаше, тщательно вымыл руки. Все это он делал не спеша, обстоятельно.

– Ты, парень, сбрую своюними. Поди, неудобно в ней лежать. Снимай-снимай! Не пропадет! У меня ничего никогда не пропадает, – прогудел он, обращаясь к Барату.

Морщась от боли, Барат зашевелился, расстегивая ременные пряжки на груди. Портрат подошел к нему и наклонился над распухшей ногой. Что-то пробормотал. Одной рукой взялся за ступню, второй за голень.

– Как у тебя с голосом? – неожиданно поинтересовался он, обращаясь к Барату.

– Что? – не понял Барат.

Портрат, крепко ухватившись за ступню и голень, неожиданно и сильно дернул.

От резкой и сильной боли Барат заорал.

– А ничего голос! – отметил Портрат. – Сильный и громкий. Ну все-все! Больше дергать не буду. Теперь не будет так болеть.

– Ты что, хрыч старый, зарезал там его? – раздался из-за занавески голос Брамюра.

– Рано его еще резать! – откликнулся Портрат. – Пусть еще погуляет, жирку накопит.

Хохот снаружи послужил свидетельством его остроумия.

Портрат открыл один из каменных сундуков и начал вынимать из него какие-то предметы, выставляя их на стол. Боль и вправду стала спадать, но лодыжка распухла и покраснела. Вот местный лекарь достал какой-то горшочек и начал рассматривать его на свет. Барат удивленно сморгнул. Горшочек-то прозрачный! Портрат заметил его удивленное выражение и хитро усмехнулся:

– Что, раньше не видел?

– Нет, – мотнул головой Барат. – Как вы смогли сделать прозрачный горшочек? Выточили из цельного горного хрусталя?

– Это парень, не хрусталь. Деревня! Это новомодное изобретение нашего Подгорного народа, стекло называется! Кварц, ну и еще кое-какие добавки. Да что я тебе объясняю? Ты, поди, и слова-то такого не знаешь!

Это прозвучало обидно. Ну не знал Барат такого слова, ну и что? Тем временем Портрат снял плотно пригнанную крышку и, засунув в горшочек толстый палец, зачерпнул приличный кусок мази.

– Не дергайся! – благодушно пробасил он. – Я тебе сейчас лапу смажу. Мазь боль и опухоль снимет. Еще побегаешь, шишки об потолок набьешь.

– Почему набью? – не понял Барат, прислушиваясь к ощущениям в ноге.

– Да потому что на таких, как ты, наши потолки не рассчитаны! – захохотал Портрат. –

А ты к этому непривычный.

– Эй! Лекарь, ну что там? – донеслось из-за занавески.

– Вам что, горном задницы припекло? – свирепо отозвался Портрат. – Куда вы торопитесь? Материал хрупкий, надо не спеша, вдумчиво лечить.

– Нужно, раз спрашиваю! – сварливо отозвался голос Тархрета.

– Ладно, – махнул рукой Портрат. – Забирайте его, торопыги! Сейчас наложу повязку, чтобы нога не двигалась. Только несите осторожно! Ему надо пару дней поваляться в кровати.

За занавеской установилось озадаченное молчание.

– Это же какая ему кровать нужна? – задумчиво пробурчал кто-то.

Впрочем, кровать Подгорный народ соорудил очень быстро. Когда Барата внесли в пещерку, предназначенную для него, тут же пара карликов принесла какие-то детали, из которых быстро собрали ложе. Только место, предназначенное для лежания, было длиннее обычного и скреплено оно было посередине непонятным образом. Сверху положили два толстых мата, бросили подушку, и на все это свалили Барата.

– Отдохни покуда! – бросил Брамур, выходя. – Поспи, что ли. Потом и поговорим.

Он повернул что-то на стене, у входа. Шар, освещавший пещерку, медленно погас.

Глава 7

Барат, измученный дневными переживаниями, уснул практически мгновенно. Снова перед ним вставали сцены пережитого дня. Он опять бежал через лес, задыхаясь, стремясь успеть, и снова не успевал. Он рубил врагов, рыча от ярости. Огонь синим росчерком проходил по рядам врагов, шипя и плюясь синими же искрами. Противники что-то кричали, корчились и падали на землю. Все новые и новые черные враги набегали на Барата. Они хватали Барата за руки и ноги, причиняя боль раненой ноге. Барат выдирался из рук неприятеля и снова махал Огнем, разя направо и налево. Вот перед ним выскочил закутанный в черные тряпки воин, с его плеча свисали несколько связок белых тонких костей. Барат точно помнил, что он один раз его уже зарубил! Именно после этого черные как будто взбесились. Но снова Барат отчаянным ударом поразил этого врага. Воины Таш отчаянно завывали и бросились на Барата. Наверное, поэтому они так старательно его преследовали... Подождите, какое преследование, если сейчас идет бой! Или они его настигли? Воин вдруг заревел басом:

– Да проснись же ты, сумасшедший!

Барат подскочил и сел на кровати. Несколько карликов, постанывая, поднимались с пола. Прямо у кровати, прижав ладонь к лицу, стоял Тархрет, изумленно и с досадой пялился на Барата одним глазом.

– Ну ты и развоевался! Это же надо! Мы впятером не могли тебя удержать. Силен ты, парень!

– Ничего удивительного! – воскликнул, заходя в пещеру, Брамур. – Если это тот, о ком я думаю, то и вдесятером его было бы не удержать!

– Да что ты заладил: «Тот, о ком я думаю, тот, о ком я думаю»! – повернулся к нему Тархрет. – Этот тот, о ком ты думаешь, мне вон какой фонарь поставил! Можно в штрек без лампочки идти!

Брамур внимательно рассмотрел лицо Тархрета и захихикал:

– Красавец! И как ты объяснишь другим это украшение?

– Не твоя забота! – насупился Тархрет.

– Я не хотел, – несмело попытался оправдаться Барат.

– Еще не хватало, чтобы ты хотел! – буркнул Тархрет, выходя и знаком показывая остальным, чтобы они следовали за ним.

Брамур проводил их взглядом, потом прихватил стоящий рядом табурет и придвинул его к кровати. Взгромоздился на него и уставился на Барата хитро прищуренными глазами.

– А теперь, парень, ты мне ответишь на несколько вопросов.

– А потом вы меня выпроводите наверх? – задал в свою очередь вопрос Барат.

– А ты этого хочешь? – осведомился Брамур пытливо.

– Не знаю. – Барат тяжело вздохнул. – Там меня очень ждут. Те, черные.

– Да уж, – понимающе усмехнулся Брамур. – И чем же ты их так раззадорил, а?

– Они напали на мою деревню. Убили моих родителей, Ребана... Они всех убили!

– А тебя, значит, не убили, а?

– Нет, – мотнул головой Барат.

– А почему?

Барат только пожал плечами вместо ответа.

– А твои родители, они были похожи на тебя?

– Что значит похожи на меня? – вскинулся Барат. – Я с ними всю жизнь прожил! Они были мне самыми родными!

– Я спрашиваю, внешне они были похожи на тебя? – терпеливо расспрашивал Брамур.

– Ну нет... не очень, – задумался Барат.

– То есть волосы у них не были такими же светлыми, как у тебя?

– Нет, – покачал головой Барат. – Не были. Я вообще один с такими волосами.

– Так я и думал! – Брамур удовлетворенно потер руки. – А как же так получилось, что ты один такой там оказался?

Барат вынужден был снова ответить пожиманием плеч. Не рассказывать же ему историю его появления. Этот карлик его спас, что есть, то есть. Но Барат пока не мог ему доверять полностью.

– Ты об ардейлах что-нибудь слышал? – с интересом спросил Брамур.

– Отец рассказывал, да и Ребан что-то такое говорил.

– Ребан? Это кто?

– Мой учитель. Он учил меня владеть мечом. – Перед глазами снова встала картина усыпанного трупами двора и Ребан, лежащий с мечами в руках. Она была настолько яркой, что Барат даже застонал.

– Не раскисай, парень! – сочувственно прогудел Брамур. – То, что было, не вернешь. Надо жить дальше, раз живой остался. Так что ты слышал об ардейлах?

– Что они живут в лесах, на севере. Что они могут хорошо воевать. – Барат наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что же еще рассказывал отец.

– Значит, ни камня из отвала ты не слышал! – подвел черту Брамур. – А меч-то, откуда он у тебя?

– Сам выковал, – буркнул Барат, уязвленный предыдущей фразой Брамур.

– Сам выковал? – Косматые брови Брамур поползли вверх. – Так ты еще и кузнец, оказывается?

– Да какой я кузнец? Вот отец, тот – да, кузнец! А я только учился.

– Не прибедряйся! – заулыбался Брамур. – Раз такой меч смог выковать, то кузнец. А ну-ка покажи мне его!

Барат потянулся к ножнам и протянул их Брамору.

– Нет-нет! – даже замахал руками гном. – Ты в своих руках покажи! Знаю я про такие клинки. Наслышан. Он, случайно, не из тех, что без пальцев может оставить?

– Ой! Прости! – смутился Барат. – Я как-то не подумал.

– Зато я подумал, – пробурчал Брамур, рассматривая меч, который засверкал в руке Барата.

Он приблизил лицо к клинку, не рискуя, однако, трогать его руками. Синий Огонь раздраженно завибрировал в руках Барата.

– Ого! А ему не нравится! – воскликнул Брамур. – Ишь, капризный какой!

– Ты его чувствуешь? – удивился Барат. – Его никто не чувствовал из наших, деревенских.

– Мне ли, кузнецу, его не чувствовать? – хмыкнул Брамур. – Ого! А металл-то не простой! Сколько слоев, какаяковка?

Барат замялся. Заготовку делал в основном отец. А Барат только помогал ему, не особо вникая в сложности. Тем более, когда ковал сам клинок, он уже ничего не соображал, подчиняясь тому чувству, что захватило его без остатка.

– Что? Не знаешь? – возмутился Брамур. – Эх ты! Такие вещи надо знать! Это же не руду таскать! Там большого ума не требуется. Кузнечное дело – тонкое и точное. Тут в совершенстве требуется знать, сколько, чего, в какой последовательности. Слова, само собой, нужные в нужный же момент сказать. Только тогда знатный металл получится, и изделия из него тоже качественные будут. Даже странно, что у вас, олухов деревенских, такой клинок вышел.

– Да чего ты ругаешься?! – взорвался Барат. – Я тогда, когда ковал, ничего не соображал! Я сам не понимаю, что тогда меня захватило! Больше ни разу такого не было.

– Ну ты, ладно, – примиряюще пробурчал Брамур. – Успокойся и выздоравливай. Потом посмотрим. В кузнице у меня покумекаем. Надо же! Захватило! Ничего, думаю, разберемся. И никто тебя выкидывать наверх не собирается, не звери мы, чай. К тому же кузнеца! Да еще умеющего такое ковать!

– А вы кто? – не выдержал Барат.

– Мы – Подгорный народ! – гордо изрек Брамур.

– Подгорный? Не слышал о таком, – задумался Барат.

– Ты о гномах слышал? – возмутился Брамур. – Дылда деревенская!

– Так вы гномы?!

– Мы не любим, когда нас так называют, – насупился Брамур. – Подгорный народ – да!

– Отец говорил, что вы уже давно ушли и исчезли.

– Еще чего! – загремел Брамур. – Исчезли? Твой отец, что, все знает? Может, ему кто из богов что-нибудь на ушко шепнул?

– Каких богов? – оторопел Барат. – Есть только один – Единый!

– Это у вас, у людей, – отмахнулся Брамур. – Да и то там сам Горный дух ногу сломит, не разберешься. Вон у черных, что за тобой гнались, какой-то Ханым-Сара, да и у некоторых других – свое. Не будем об этом. Так вот, мы здесь испокон веков живем, в дела других не лезем, только наблюдаем. Ну там, иногда и приторговываем. Побудешь у нас – сам увидишь.

– Так что же получается, – не понял Барат. – Вы от людей прячетесь, и дела вам до нас нет, а мне, человеку, разрешаете остаться и все увидеть?

– Ну видишь ли, – замялся Брамур, – мы не только от людей скрываемся. Жизнь у нас такая. Короче, тут есть некоторые моменты. Ты заинтересован остаться здесь и чему-то научиться, а мы заинтересованы в тебе.

– А что вам от меня надо? – насторожился Барат.

– А вот это увидим в процессе! – решительно заявил Брамур. – Мы, конечно, добрые и все такое, но и выгоду должны иметь. И чую я, что выгода может быть немалая.

На следующий день Барат проснулся в кромешной тьме. Со сна было запаниковал, но быстро вспомнил прошедший, насыщенный событиями день. Осторожно пошевелил ногой, потом уже решительней. Не болит! Но вздохнуть с облегчением не получилось. Внезапно нахлынула острая тоска по тому, чего уже не вернуть. Перед глазами всплыли лица родных ему людей. Поочередно, сменяя друг друга, – отец, мать, Ребан... Снова перед глазами вставали картины схватки. Заворчалась ненависть к черным, заворчала жажда мести...

Легкий шум привлек внимание Барата. Мягко открылась дверь, и в слабо освещенном проеме появилась характерная фигура гнома. Разгорелся источник света под потолком.

– О! Ты уже проснулся! – Портрат, довольно потирая руки, приблизился к зажмурившемуся от внезапного яркого света Барату. – Как себя чувствуешь?

– Вроде нормально. – Барат сел на кровати и отдернул одеяло с ноги.

– Угу, нормально, говоришь? – Портрат, крепко ухватив ступню Барата, внимательно ее разглядывал. – Ну что же. Опухоль спала. Не болит?

Барат отрицательно покачал головой.

– Очень хорошо! – прогудел Портрат. – Тогда сейчас придет Брамур. Он и займется тобой дальше.

– А почему Брамур? – поинтересовался Барат.

– А потому, что ему нужен человек-кузнец, сотворивший такой меч, – пробурчал Портрат. – Вот он и будет заботиться о тебе. – Портрат неожиданно хихикнул. – Да он никогда ни о ком не заботился за всю свою жизнь! – пояснил Портрат в ответ на недоуменный взгляд Барата.

– Ты что это обо мне рассказываешь, кирка старая? – возмутился Брамур, заходя в комнату.

– А что, неправда? – Лекарь воззрился на вошедшего с праведным гневом.

– А тебе все не дает покоя мое холостое положение! – хохотнул Брамур.

– Жениться – это долг каждого порядочного Подгорного мастера! – воинственно задрал бороду Портрат.

Барат понял, что спор этот возникал уже не впервые, и этот раз определенно не был последним.

– Успею я еще жениться, – отмахнулся Брамур. – Давай, парень! Надевай свои ремни и пошли, надо подкрепиться.

Барат неожиданно понял, что он не имеет ни малейшего понятия, какое сейчас время суток. Может быть, утро, а может, и день. А голод уже давно напоминал о себе урчанием в пустом желудке. Прихватив ножны с Огнем, он двинулся за Брамуром к выходу из пещеры.

Да. То, что Барат увидел за этот день, было для него в определенной мере шоком. Мир, в котором он оказался, коренным образом отличался от его привычного мира. Конечно же непомерная масса камня над головой вызывала желание поскорее выбраться на свежий воздух, но это ощущение вскоре прошло, вытесненное новыми интересами. Пользуясь случаем, Барат жадно впитывал в себя необычные впечатления и знания.

Брамур повел Барата по длинным коридорам. По ширине коридоры Барата вполне устраивали, а вот по высоте... Мда, не все совершенно в мире гномов! Эта мысль пришла в голову Барата после очередного соприкосновения его макушки с потолком. Но постепенно, по мере продвижения к центру поселения, потолок стал уходить вверх, да и проходы стали значительно шире...

– Поберегись! – закричали впереди.

Брамур, ухватив Барата за рукав, шарахнулся к стене. Мимо них пронеслась тележка, в которую было запряжено какое-то низкорослое животное. На передке тележки, чуть согнув ноги, с натянутыми вожжами в руках стоял гном... простите, Подгорный житель.

– У вас всегда так гоняют? – спросил Барат, ошарашенно глядя вслед тележке.

– Нет, конечно! – буркнул Брамур, продолжая движение. – Это у нас лихач завелся – Тартактар, кусок горной породы ему на голову! Был нормальный работник, а как тележку дали, так вся степенность пропала. Носится, как будто ему горном задницу прижгло. И как до сих пор во что-то не врезался? Остается только удивляться.

Барат внезапно остановился, пораженный увиденным. На глаза ему попался маленький гномик. Вернее, ребенок. Такой же, как человеческий, но маленький. В отличие от старших, бороды и усов у него не было. Любопытные глазенки на маленьком темнокожем личике так и стреляли по сторонам. Его за руку вел старший гном... Пойдите, гном ли? Фигура более тонкая, чем у гнома-мужчины. Борода более жидкая, тщательно заплетенная в три косы. В эти же косы вплетены разноцветные ленточки с кокетливыми бантиками. Да и грудь... Это же женщина! Гном-женщина! Так вот почему, по слухам, гномов рожают сами шахты! Если различия между мужчинами и женщинами сведены к минимуму, то у таких слухов есть почва.

– Ну и чего ты стал, как колонна? – вывел Барата из ступора бас Брамур. – Что такого ты увидел?

– Нет-нет! Ничего! – спохватился Барат, не зная, как отнесется Брамур к его мыслям.

– Ну ничего так ничего, – пробурчал Брамур, придерживая Барата и мощной дланью направляя его в левый проход. – Вот здесь питаются холостяки. Запоминай! Ты ведь еще не женат, а?

Брамур гулко захохотал, довольный своим остроумием.

Они оказались в небольшом зале, пространство которого занимали два длинных стола и табуреты. Брамур вразвалку направился к отверстию в стене.

– Давайте завтрак на двоих! – рявкнул он в отверстие. – И поживее! Мы торопимся! Да, и кровара побольше!

Дверь рядом с отверстием заскрипела и распахнулась. В проеме стоял гном в засаленном фартуке, с поварешкой в руке.

– Это с каких пор ты в двух лицах, а? – сварливо обратился обладатель поварешки к Брамур. – И какого Горного духа ты вдруг заторопился? Кровар ты и так ведрами хлещешь!

– Мы – это я и вот он. – Брамур ткнул оттопыренным большим пальцем за спину, указывая на Барата. – У нас действительно сегодня много работы.

Гном с поварешкой уставился на Барата. Его косматые брови поползли вверх.

– Человек? Здесь?! Это что же такое произошло, что Тархрет человека решил сюда впустить?

– А вот это – не твоего ума дело! – моментально ошетинился Брамур. – Значит, надо было. И я с ним хожу, потому что так надо. Ты нам есть давай!

Пробурчав что-то нелестное о нынешних руководителях и временах, гном исчез за дверью. В глубине отверстия затарахтело, и в проеме появились две миски с кашей, две кружки, в которых исходил паром какой-то напиток, металлическая тарелка с кусочками черного хлеба и две ложки.

– Налетай! – радостно предложил Брамур, выставив еду на стол. – Кто хорошо ест, тот дольше молотом махать может! Чует мое сердце, что и тебе и мне этого удовольствия предстоит немало.

Поев, Брамур устроил для Барата экскурсию по своему городу. А то, что это город, сомневаться не приходилось. Причем город с многочисленными жителями, отлично обеспеченный и великолепно замаскированный в горах. Хозяничал в этом городе народ деятельный и трудолюбивый. А уж смекалке, изобретательности и настойчивости гномов можно было только позавидовать.

– Курхан-Старотс! – с заметной гордостью назвал свой город Брамур.

Барат видел вещи, которые с трудом укладывались в его медленно распухающей от обилия впечатлений голове. Чего стоил, к примеру, некий странный механизм. Длинное жерло с невероятной силой выбрасывало струю воды, которая дробила камни и куски породы. Этим механизмом сосредоточенно управлял гном с напыленным на голову котелком. Что-то ритмично ухало, и длинные кишки, прикрепленные к механизму, сами собой извивались и подпрыгивали, проталкивая воду к жерлу.

Или целый каскад круглых горшков с решетчатым дном, расположенных друг над другом. Причем ячейки каждого последующего горшка были меньше предыдущих. Все эти горшки были закреплены на одной планке. В верхние горшки засыпали породу, потом сверху на них лилась вода. Два гнома с азартом крутили какие-то рукояти, и вся система горшков тряслась, как в лихорадке. Когда все промывалось, эти гномы бросались к горшкам и начинали там рыться, как курицы в кучах навоза в поисках вкусных червячков. Только тут искали совсем другое. На глазах у Барата один из гномов, радостно вскрикнув, вытащил большой камень, переливающийся всеми цветами радуги. Раркулин – редчайший драгоценный камень, как пояснил Барату Брамур. За такой можно было выторговать у верхних людей много чего. Чего именно, Брамур разъяснить не стал.

– А вот и моя кузница! – Брамур с гордостью распахнул дверь в помещение, заставленное разнообразными приспособлениями. – Ну как тебе?

Барат зашел вслед за Брамуром и с любопытством осмотрелся. Да, такого оборудования он еще не видел! Брамур выжидающе смотрел на Барата, хитро прищулив один глаз, понимая, что для обычного деревенского парня все, что здесь было, представляло диковинку.

Нет, разобраться кое в чем все же можно было. Уж наковальню, молоты, молотки и молоточки ни с чем не спутаешь. Да и горн с углями Барат сразу узнал. Но остальное! Вот тут можно было и запутаться и удивляться.

Горн был двойной. Приводился в движение системой рычагов, силой воды, протекающей по специальным трубам, причем в то время, пока один растягивал меха, другой – сжимал. Таким образом обеспечивался постоянный поток воздуха. Над всем этим зиял раструб огромной вытяжки, выводящей запахи и гарь из помещения. Куда потом девался этот дым, оставалось только гадать. По верстакам аккуратно были разложены клещи разнообразных размеров, вспомогательные инструменты, тигли, кувшинчики с различными химикатами. На кувшинчиках были нарисованы руны, обозначающие содержимое.

Но не это было основной гордостью Брамюра. Он подошел к дальней стене и эффектным жестом отдернул занавеску. Барату открылась огромная коллекция разнообразного искусстваковки. Чего тут только не было! Конечно, первым бросалось в глаза оружие. Клинки – блестящие, бросающие искры отсветов от ярких светильников, укрепленных по бокам и включившихся, как только отошла в сторону занавесь. Были среди них и аспидно-черные, и чернотой этой создающие атмосферу угрозы только одним видом своим. Кинжалы – прямые и изогнутые, с прекрасными насечками и травленными узорами по клинкам. Секиры – одинарные и двойные, излюбленное оружие Подгорного народа.

А доспехи! Это же каким мастером надо быть, чтобы создать подобное чудо! Шлемы с арабесками, брамицы, маски, закрывающие лицо во время боя, кирасы... О! А поножи, латные перчатки, слепящие глаза острыми бликами? Глаза у Барата разбегались от всего многообразия и великолепия представшей перед его глазами коллекции. Каждое изделие хотелось взять в руки и часами рассматривать и ощупывать.

Брамур, довольный реакцией Барата, широко улыбался. Пока Барат с замиранием сердца рассматривал коллекцию, Брамур подошел к еще одной ширме. Он вдруг стал необыкновенно серьезным. Аккуратно отодвинул тяжелую материю. В нише, которую скрывала ширма, находился полный доспех, выкованный с необыкновенным мастерством.

Барат изумленно замер, несколько долгих минут не в силах что-то произнести.

– Ух ты! – наконец выдохнул он. – Красотища!

– «Синее пламя», – с гордостью произнес Брамур.

– Хорошее название, – кивнул Барат. – Только где же тут хоть что-то синее?

– Нет, деревня – она и есть деревня! – Гнома даже затрясло от возмущения. – Метод так называется! Методковки. Понял? Это древнее искусство гномов!

– Нет, – мотнул головой Барат. – Я о таком методе не слышал.

– А о чем ты слышал в своем селе? – бушевал Брамур. – Если у вас такого не слышали, то это еще не значит, что его нет.

Гном надул губы, резко повернулся, отошел в угол и там сел на крепкий табурет, отвернувшись от Барата.

Он что, обиделся? Вот так, по-детски? Барат озадаченно почесал затылок.

– Брамур, ты это... ну извини. – Барат тронул гнома за плечо.

– Там не хватает одного предмета, – не оборачиваясь, пробурчал Брамур. – Я думал, что с твоей помощью смогу выковать его.

– Не хватает? – удивился Барат.

На его неискушенный взгляд доспех был полным и совершенным.

– Там нет главного – секиры, – пояснил Брамур. – А без секиры воин гномов таковым считаться не может. Но к такому доспеху и секира должна быть необычной. Она должна быть ему под стать.

Барат молчал, пытаясь осмыслить сказанное Брамуром. Тот пытливо и с надеждой всматривался в лицо молодого парня.

– Почему ты думаешь, что я смогу это сделать? – с тревогой спросил Барат.

– Не пытайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле! – насупился Брамур. – Это у тебя за плечами что болтается? Свой клинок ты же смог выковать!

– Так это меч, – растерянно защищался Барат. – Это же не секира! Я не умею делать секиры. И потом, он же слушается только меня...

– Ковать я тебя научу! – нетерпеливо прервал Брамур. – Конечно жековка Подгорного народа – это тебе не то, что жалкие потуги людей. Но если ты ардейл, то сможешь этому научиться. Я надеюсь, что сможешь. Это простым людям такое не по зубам. Неподвластно им это искусство. Ты обещаешь в обмен на обучение попробовать потом выковать секиру мне?

В темных глазах гнома было столько яростной надежды и веры в чудо, что Барату стало немного не по себе. Но было еще сказано нечто невероятное. Барат не верил своим ушам. Сам гном, а как известно, кузнецы этого народа славились по всем землям, обещает его научить кузнечному делу! Как славного прадеда Барата, Малиса. Правда, сомнения относительно возможности выковать оружие, которое бы слушалось не его, у Барата оставались. Ну да, не попробуешь – не сделаешь.

– Я постараюсь, – внезапно охрипшим голосом сказал Барат. – А ты и вправду научишь меня своему искусству?

– Научу, – пообещал Брамур. – Но только не «синему пламени». – Брамур замялся, из-под косматых бровей виновато моргнули карие глаза: – «Синее пламя» я и сам не умею. Это надо идти в Каргерт. Там у гран-гленда Мартрехта надо просить. Может, он согласится, а может, и нет. Это величайший мастер нашего народа. Только он хранит секреты этого искусства. Он не выбрал еще наследника, которому передаст свои знания. Ну да ничего! Еще определится. Какие его годы! Всего лет пятьсот... Быть может, и мне повезет.

Брамур поднялся и аккуратно задернул штору, закрывая великолепие в нише. Погасли светильники, и в кузнице установилось ровное, не раздражающее глаз освещение.

Глава 8

И началась учеба Барата. Брамур оказался учителем нетерпеливым и горячим. Сколько громов и молний обрушивалось на бедную голову Барата! И не сосчитать. Любой жест, любая ухватка вызывала ливень критики, который Брамур эмоционально обрушивал на человека.

– Ну кто так держит? – ревел он. – Не заготовка должна тобой командовать, а ты ею!.. Что это ты делаешь? Это ты называешь добрым ударом? От этого удара и комар не соизволит подохнуть. Ты что, забыл, как надо работать большим молотом?

Но, несмотря на это, дело начало постепенно двигаться вперед. Перед Баратом открывались все новые и новые тайны и горизонты кузнечного дела. Он жадно впитывал в себя все наставления и советы Брамюра. Он раз за разом повторял заданные упражнения, стараясь не расстраиваться от едких замечаний мастера.

Но истинное восхищение Барата вызывало мастерство самого Брамюра. Казалось, металл в его руках становился мягче и податливее глины, и мастер мог делать с ним все, что хотел. Пусть Барат и владел искусством многослойнойковки, но по сравнению с тем, что показывал Брамур, это было убого.

А присадки к металлу? Оказывается, они существовали у гномов в величайшем многообразии. При помощи этих присадок можно было добиться самых, казалось бы, несовместимых свойств металла. Надо ли говорить, что эти присадки хранились гномами в величайшей тайне? А добавление других минералов при ковке? Никель, хром и тому подобные добавки. Огромное значение имели и температурные режимы. А закалка? Можно закалывать в простой воде, а можно и не только в воде. Все зависит от того, что ты хочешь получить в итоге. Были даже такие методы, о которых Брамур говорил исключительно шепотом, боязливо оглядываясь.

Всю эту науку постепенно и начал постигать Барат. Он пропадал в кузнице у Брамюра целыми днями. Будь его воля, он бы и ночами работал, но тут Брамур был строг.

– Хорошая работа, парень, требует и хорошего отдыха! – наставительно басил он, для убедительности подняв вверх заскорузлый указательный палец. – Ну и о вкусной и здоровой пище забывать не стоит. Откуда же нам силы для такой работы брать? Если ты будешь только работать, то мы скоро отнесем то, что от тебя останется, в какой-нибудь заброшенный штрек, да там и прикопаем. А это никуда не годится! Я для чего тебя учу? Совсем не для того, чтобы ты свалился от истощения!

Несколько раз Барата навещал Тархрет. Ему была интересна судьба «спасеньша», как он называл Барата. Его визиты всегда сопровождались громоподобным хохотом и жизнерадостными изречениями типа: «Ну, как ты тут? Еще не зачах? Нет? Ну ничего! Я этого типа бородатого знаю! Скоро из тебя Брамур все соки выжмет, тогда и отбросишь копыта! Гы-гы-гы!»

Барат воспринимал эти высказывания спокойно, только улыбаясь в ответ. А вот Брамюра эти речи почему-то выводили из себя. Он воинственно топорщил бороду в сторону шутника, хмурил брови и начинал воинственные действия в виде перепалки. Обычно канонада сводилась к полной победе Тархрета. Он утверждал, что мнение Брамюра яйца выеденного не стоит, так как тот не женат. Неженатый гном считаться мастером не может именно потому, что он неженатый! Из этого Тархрет делал неожиданный вывод: «Если ты, Брамур, не мастер, то пацаненка ты непременно загубишь! Срочно женись! Может быть, тогда и будет какой-то толк».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.